

Маленькая голубая вещица

Автор:

С. Ренсом

Маленькая голубая вещица

С. К. Ренсом

Маленькая голубая вещица #1

Однажды 17-летняя Алекс обнаружила на берегу Темзы необыкновенный браслет. Посеребренный, с огромным камнем, он заворожил ее своей красотой. Она не удержалась и забрала находку домой. Вот только тревожная мысль не оставляла ее в покое: почему столь прекрасная вещица была скрыта под вековым слоем ила.

Страшный секрет браслета открылся ей позже. Алекс услышала томный голос в собственной комнате и увидела отражение привлекательного парня в зеркале. Кэллум, так звали нежданного гостя, пленник браслета. Его прошлое покрыто мраком, а будущее под вопросом. Если только любовь не поможет ему спастись.

С. К. Ренсом

Маленькая голубая вещица

Нынче я —

Маленькая голубая вещица,

Похожая на стеклянный шарик

Или на глаз.

Свернувшись клубком,
В идеальный шар,
Я смотрю за тобой.

Нынче я —

Маленькая голубая вещица,
Сделанная из фарфора
Или из стекла.

Я холодна, гладка и любопытна.

И никогда не моргаю.

Я верчусь у тебя руке,

Верчусь у тебя в руке,

Маленькая голубая вещица.

@1985 Suzanne Vega

Воспроизведено с разрешения «Майкл Хаусман артист менеджмент»

Амулет

Лебедь метался у самой кромки воды, его огромные крылья колотили по смешанному с галькой песку, расталкивая в стороны всех остальных птиц. Мы в ужасе смотрели, как он вертится, извиваясь и громко, угрожающе шипит.

– Я не могу просто так стоять и ничего не делать, – крикнула я, перекрывая производимый им шум. – Я пойду и посмотрю, нельзя ли ему помочь. Не могла бы ты позвонить в какую-нибудь службу – в полицию, ветеринару или что там еще есть? Если ничего не предпринимать, он наверняка что-то себе повредит. – Я

осторожно двинулась к бьющейся птице.

– Алекс, не глупи! – крикнула Грейс. – Он может сломать тебе руку.

– Надо попытаться, – пробормотала я себе под нос, медленно приближаясь к лебедю по узкой отмели.

Он, похоже, совсем обезумел, и, подойдя ближе, я увидела почему. Кольцо на его лапке зацепилось за изогнутую проволоку, которая торчала из утрамбованной смеси гальки и песка. Я остановилась и опустилась на корточки, чтобы придать себе в его глазах менее угрожающий вид. Я понятия не имела, какие звуки надо издавать, чтобы успокоить попавшего в беду и обезумевшего от страха лебедя, но меня все равно никто бы не услышал, так что надо было хотя бы попытаться.

– Тише, тише, – воркующим голосом проговорила я. – Хороший лебедь, хороший. Я не сделаю тебе больно.

Он вперил в меня недобрый взгляд, но немного поутих. Я медленно подобралась ближе, опасливо поглядывая на его грозный клюв и могучие крылья. Внезапно он перестал шипеть, и во вдруг наступившей тишине я услышала, как его большие перепончатые лапы скребут по песку. Он до отказа растопырил крылья, постаравшись принять как нельзя более угрожающий вид. Это ему удалось. Я подумала, что если и получу перелом руки, то это хотя бы произойдет после того, как все экзамены остались позади. Мы закончили сдавать последний из них сегодня утром, и предполагалось, что после этого весь день проведем, празднуя и веселясь. Правда, сейчас из всей нашей компании остались только Грейс и я, все остальные уже давно разъехались по домам, чтобы подготовиться к увеселениям, которые предстояли нам вечером.

Между мной и лебедем оставалось всего лишь несколько футов, когда он вдруг решил, что не даст мне подойти еще ближе. Испустив пронзительный крик, он напряг все силы и попробовал взлететь, размахивая крыльями. Он был так близко, что кончики его перьев скользнули по моему лицу. Внезапно раздался треск, перед моими глазами мелькнул белый вихрь, и лебедя как не бывало. От неожиданности я отпрянула назад и в следующую секунду уже сидела на грязном песке.

Там, где только что находился лебедь, остались обломки какого-то кольца с его лапы, лежащие рядом с торчащей проволокой, из-за которой все и произошло. Мечась, птица здорово разворошила смешанный с галькой песок, однако проволока осталась на месте.

- Ты в порядке? - обеспокоенно крикнула Грейс, не отрывая глаз от экрана мобильного. - Думаешь, мне все равно нужно позвонить в какую-нибудь службу?

- В этом уже нет смысла, - пробурчала я, пытаюсь стереть ил с моих новых джинсов. Но они не стали чище. - Я все равно измазалась, так что теперь, если получится, попытаюсь разобраться с этой проволокой, - добавила я в ответ.

Это была всего лишь небольшая отмель, одна из тех немногих, которые в этой части Темзы, в Твикенхеме, обнажаются в самой нижней точке отлива. Над этой отмелью возвышалась терраса паба «Белый лебедь», и здесь всегда можно было увидеть лебедей, гусей и уток, которые подходили к террасе, надеясь, что им достанется кусочек жареной картошки или недоеденной булочки. Обычно, когда мне доводилось здесь бывать, терраса оказывалась забита посетителями паба, с удовольствием попивающими пиво, греясь на солнце, но сейчас, в начале июня под вечер вторника, здесь стало почти совсем безлюдно.

Во время отлива на отмели всегда валялся всякий мусор, и птицам, судя по всему, удавалось благополучно обходить стороной большую его часть. Но этот торчащий кусок проволоки меня разозлил, ведь из-за него несчастная птица едва не сломала себе лапу. Я протянула руку и попыталась выдернуть его из песка, впрочем, почти не надеясь, что мне это удастся. Он держался крепко. Может быть, можно будет согнуть его так, чтобы он перестал представлять опасность. Я огляделась в поисках какого-нибудь предмета, который можно было бы использовать, чтобы согнуть эту проволоку, поскольку моим пальцам это было явно не под силу.

Найдя крепкий на вид камень, я принялась колотить им по проволоке, стараясь согнуть ее торчащий конец так, чтобы он вонзился в смесь гальки и песка. Когда он начал изгибаться, у его основания вдруг показалось что-то голубое и блестящее. Удивившись находке, я перестала колотить и начала разгребать там, откуда выходил торчащий конец проволоки. Оказалось, что в глубине проволока обмотана вокруг небольшого, размером примерно с мою ладонь металлического ободка, в который вдет круглый голубой камень. В лучах солнца он сверкал и переливался, словно опал. Я продолжила копать. Проволока уходила еще глубже

и, кажется, была зацеплена вокруг большого булыжника. Вытащить его мне точно было бы нелегко.

Однако проволока выглядела старой и на такой глубине казалась немного более ломкой. Я крепко зажала ее в руке, начала гнуть то туда, то сюда, и очень скоро она переломилась. Я подняла металлический ободок, чтобы рассмотреть его.

Камень был очень красив, темно-голубой с золотыми, розовыми и красными крапинками, поблескивающими на солнце. Я потерла ободок и, стерев немного древней грязи, увидела тусклый серебристый цвет. И даже сквозь грязь разглядела, что эта вещица сработана тонко и искусно. С какой стати было кому-то привязывать такую красоту к булыжнику и бросать в реку?

Я отнесла вещицу в дамский туалет паба и немного помыла, попытавшись оттереть въевшуюся грязь и речной ил, которые явно покрывали ее уже немало лет. Я постаралась немного привести в порядок и себя, но это явно было безнадежной задачей. Придется отправиться домой и переодеться. Из-за этого я здорово опоздаю в Ричмонд, где мы наметили сегодня вечером отпраздновать окончание экзаменов.

Пока я вытирала с ободка воду, мои мысли спутались. Если я опоздаю на фильм, то, возможно, упущу шанс занять место рядом с Робом. Я знала, что Эшли тоже положила на него глаз и она вполне может сделать ход первой. Мне надо во что бы то ни стало этому помешать.

Я продолжала тереть ободок, думая о предстоящем вечере. В туалете было довольно темно, единственная лампочка светила тускло, и я не могла разглядеть голубой камень в деталях. Я всмотрелась в него, и на секунду мне почудилось, что по его поверхности пробежала рябь, словно камень моргнул. От изумления я выронила его, потом осторожно достала из раковины. Должно быть, все дело в этом свете, решила я, разглядывая камень под всеми возможными углами, но больше ничего не произошло. Я вытерла ободок с камнем досуха и вернулась к барной стойке за новой порцией напитков. Бармен работал со скучающим видом и вытирал бокалы. Он подозрительно посмотрел на меня с таким видом, будто он надеется, что я попытаюсь заказать что-нибудь спиртное, чтобы у него появилась возможность мне отказать. Он вообще всегда был недоволен, когда мы заходили в бар, но его неприязнь более чем компенсировалась возможностью посидеть на террасе. Хотя бар был пуст, на отмели появились люди. Двое парней спортивного вида пытались спустить с нее

на воду каяки. Я с минуту понаблюдала за тем, как они стараются произвести впечатление на Грейс, но, по правде говоря, им это не очень-то удавалось. Каяки вихлялись, парни бранились, и в какой-то момент я совсем было уверилась, что один из них сейчас упадет в воду, но в конце концов они все-таки добились чего хотели и, гребя, уплыли прочь.

Когда я вернулась на террасу, неся высокие холодные стаканы, мы с Грейс принялись осматривать находку. Действуя оставленной на столе ложкой как рычагом, нам удалось отломить проволоку от ободка и разглядеть, что же это такое. Похоже, это был серебряный браслет, в который вправили крупный голубой камень. Он походил на опал, но несколько отличался от того куда более мелкого камня, который хранился в шкатулке с драгоценностями моей матери.

Разглядывая камень, я увидела, как разноцветные крапинки в его глубине играют на солнце, и открыла было рот, чтобы рассказать Грейс, как он на моих глазах моргнул, но потом решила промолчать. Что бы я ни сказала, это будет звучать дико. И вообще, наверняка это игра моего воображения.

– Должно быть, он стоит немалых денег, – заметила Грейс, взяв у меня браслет и повертев его в руках. – Интересно, как он оказался в Темзе?

– Ну тот, кто его туда бросил, кем бы он ни был, совсем не ожидал, что браслет когда-либо извлекут из реки, – заметила я. – Он был примотан проволокой к здоровущему булыжнику и, судя по виду этой проволоки, долго пролежал в воде.

Грейс оглядела внутреннюю часть браслета.

– Конечно, на нем осталось еще слишком много грязи, чтобы сказать наверняка, но я не вижу пробы. Так что не исключено, что это все-таки подделка, – хихикнула она. – А может быть, его швырнул в реку ревнивый влюбленный, чтобы таким образом наверняка избавиться от подарка, который преподнес возлюбленной соперник.

– Он мог бросить его туда вслед за этим самым соперником или девушкой, которую ревновал, – задумчиво предположила я, представив себе какую-то темную, грозно нависшую надо мной фигуру. Я словно воочию видела эту сцену – охваченный яростью любовник швыряет в реку браслет, прикрепленный к

большому камню. От этой мысли меня пробрала дрожь.

Я забрала браслет у Грейс и осторожно потерла его, жалея, что нет никакой возможности выяснить, как он все-таки оказался в реке. Наверняка за этим стоит какая-то необычная история, и мне ужасно хотелось узнать, что же произошло. Чьи руки так основательно примотали этот браслет к тяжелому камню?

– Интересно посмотреть, как будет выглядеть эта штука, когда с нее счистят всю грязь, – заметила Грейс, прервав мои раздумья. – Кстати, раз уж мы заговорили о грязи, то что ты собираешься теперь делать? Не можешь же ты отправиться в Ричмонд в таком виде. – И она показала на засыхающую на моих джинсах темную грязь.

Когда она упомянула это, я вдруг поняла, что чувствую вонь. Я постаралась незаметно втянуть носом воздух – да, от меня не очень-то хорошо пахло.

«К тому времени, когда я доберусь на электричке домой, переоденусь и попаду в Ричмонд, будет уже слишком поздно идти в кино», – вдруг осознала я, с тяжелым вздохом взглянув на часы. И я не просто опоздаю – я пропущу немалую часть фильма, если меня вообще пустят в кинотеатр. Я жила не так уж и далеко, но по моей ветке электрички ходили особенно медленно и к тому же всего раз в час.

– Хм-м. – Грейс окинула меня оценивающим взглядом, и в глазах ее заплясали шаловливые искорки. – Если хочешь, чтобы тебе помогли, то я приведу тебя в божеский вид.

Я почувствовала, как у меня ссутулились плечи от осознания того, что я наконец предоставила-таки Грейс возможность сыграть роль феи-крестной. Мы с ней уже несколько лет вели споры относительно моей непоколебимой убежденности в том, что вне школы имеет смысл носить только джинсы. Сама Грейс всегда выглядела совершенно шикарно в изумительных винтажных вещах, которые ей удавалось выискивать в отдающем вырубку на благотворительные нужды местном магазине секонд-хенд и которые прекрасно оттеняли ее темные волосы и смуглую кожу. Мне же никогда не хватало терпения, чтобы пытаться отыскать там что-то и для себя. Даже моя мать оставила попытки покупать мне что-либо, помимо самых практичных вещей.

– Хорошо, согласна, – со смехом сказала я, признавая поражение. – Делай что хочешь! – Я бросила браслет в рюкзак, допила свой напиток, взяла Грейс под руку, и мы направились обратно на центральную улицу.

На мою беду, в Твикенхеме оказалось великое множество магазинов, торгующих подержанными вещами, и Грейс представилась возможность выбирать из вороха всевозможных прикидов. Она долго возилась, прикладывая ко мне то одну вещь, то другую.

– Честное слово, Грейс, если ты не поторопишься, то окажется, что я смогла бы переодеться быстрее, если бы все-таки поехала домой.

– Думаю, я нашла именно то, что тебе нужно! – торжествуя, объявила она. – Мы сможем переодеть тебя на станции. – Она заплатила за последнюю из выбранных вещей и собрала вместе все пакеты с покупками. – Я буду рада, когда ты скинешь эти джинсы. Ей-богу, запах становится все хуже и хуже.

Я не могла с ней не согласиться. То, во что я плюхнулась задом на отдели, пахло как какая-то дохлятина, которой было уже много дней. Но одновременно мои мысли в который раз вернулись к лежащему в рюкзаке браслету и к нарисованной воображением темной фигуре, бросающей его в реку.

– Знаешь, – сказала я, когда, идя к железнодорожной станции, мы увидели впереди полицейский участок, – мне следует сообщить полиции, что я нашла этот браслет. Возможно, он ценный, а я понятия не имею, кому по закону должно принадлежать то, что найдено в реке. Мне совсем не хочется, чтобы меня обвинили в том, что я украли его у государства.

– Ну, думаю, ты могла бы о нем сообщить, – с сомнением в голосе ответила Грейс. – Но тогда они, возможно, просто возьмут и отберут его у тебя.

– Не исключено. Зато тогда я хотя бы не буду чувствовать себя так, словно в чем-то виновата. Давай зайдем в участок и выясним, что к чему.

Полицейский участок имел весьма обшарпанный вид. Я поднялась по его истершимся ступенькам и глубоко вздохнула, открывая тяжелую входную дверь. Грейс, войдя внутрь вслед за мной, осторожно присела на самый краешек одного из стульев, явно стараясь не слишком внимательно всматриваться в то, что нас

окружало. Все предметы здешней обстановки, похоже, были привинчены к полу.

Полицейский, сидящий в окошке отдела справок, был на вид так стар, что годился мне в дедушки. Перед ним лежала огромная кипа бумаг, и он, похоже, что-то в ней искал. Я стояла и ждала, когда он ко мне обратится, но он не обращал на меня ни малейшего внимания. В конце концов я сдалась и заговорила первой.

– Здравствуйте. Я нашла эту штуку в песке у реки и подумала, что, возможно, мне следует отдать ее государству, – сказала я и опустила браслет в выдвижной ящик, находящийся под толстым стеклом окошка.

Полицейский тяжело вздохнул и наконец поднял голову. Он уставился на меня, потом подвинул ящик на свою сторону и достал оттуда браслет.

– А известно ли вам, юная леди, сколько бумаг мне придется составить, чтобы должным образом зарегистрировать нечто, обнаруженное в реке? – спросил он скучающим голосом, вертя браслет в толстых пальцах.

– Э-э, вообще-то нет, – промямлила я, гадая, действительно ли он хотел получить ответ на свой вопрос.

– По-моему, это дешевка, – категоричным тоном заявил он. – На вашем месте я бы оставил эту штуку себе. – Он бросил браслет обратно в ящик и подвинул его ко мне.

– Вы уверены? – Мне браслет отнюдь не казался дешевой бижутерией, наоборот, по-моему, он выглядел ценным.

– О да, нам все время приносят подобный хлам. Это просто дешевка. – Он посмотрел на меня и подмигнул. Я поняла его намек.

– Спасибо, офицер, извините, что оторвала вас от дел. – Я схватила браслет и засунула обратно в рюкзак, широко улыбаясь полицейскому.

Грейс уже отошла от длинного ряда пластиковых стульев и стояла у выхода, нетерпеливо постукивая по полу ногой.

– Пошли уже, – сказала она. – А то мы не успеем переодеть тебя до прихода электрички.

На станции мы зашли в дамский туалет, и она загородила собой дверь, чтобы больше никто не смог войти, потом передала мне пакеты с купленными вещами. Они оказались именно такими, как я и ожидала, но, когда я посмотрела на свое отражение в замызганном зеркале, мне все-таки пришлось признать, что вид у меня неплохой. Все выглядело хорошо, за исключением обуви – мои перемазанные грязью кроссовки «Конверс» цвета электрик совершенно не подходили к шифоновому платью с широкой, ниспадающей красивыми складками юбкой и прелестному асимметричному кардигану. Грейс окинула меня придирчивым взглядом.

– Недурно, – заключила она. – Но твоя обувь никуда не годится. К счастью, у меня есть секретное оружие. – Она быстро достала из своего рюкзака еще один пакет и бросила мне. В нем оказалась пара блестящих босоножек типа вьетнамок с перемычками между пальцами, которые прекрасно перекликались со сверкающими пуговицами кардигана.

– Я не могу их надеть, – запротестовала я. – Ты же знаешь, я не способна удержать на ногах вьетнамки даже на пляже.

– Что ж, надо же когда-то учиться, – решительно сказала она. – В любом случае кроссовки ничуть не чище джинсов. – И она показала на перепачканную обувь. Конечно же, она была права.

– И я уверена, что Роб по достоинству оценит перемены в твоём внешнем виде, – с самодовольной усмешкой заметила она.

– Он меня просто не узнает, – пробормотала я себе под нос, но не могла не согласиться: теперь я в самом деле выглядела совсем иначе. Возможно, это и впрямь послужит тем самым толчком, которого ему не хватало.

– А теперь мы сделаем вот что, – сказала Грейс, освобождая мои волосы от резинок и заколок и распуская их, так что они упали мне на спину. – Ты смотришься совершенно шикарно! – изрекла она, когда к станции с грохотом подъехала электричка и мы поспешно собрали пакеты с тем, что я с себя сняла. – Думаю, тебя ждет незабываемый вечер.

По правде говоря, мои блестящие босоножки типа вьетнамок были далеко не самой подходящей обувью для того, чтобы преодолевать даже самое небольшое расстояние пешком. С трудом ковыляя вверх по лестнице, ведущей в ричмондский паб, я заставила Грейс пообещать, что, когда я поеду домой, она вернет мне кроссовки.

– Красота требует жертв, – ухмыльнулась она, когда мы наконец добрались до бара.

– Какой смысл в том, чтобы смотреться «совершенно шикарно», если я не могу стоять, не морщась? – посетовала я. – Остается надеяться на то, что одноклассники приехали сюда достаточно рано, чтобы заполучить сидячие места.

Нам повезло: наша компания заняла самый лучший стол в заведении – он стоял у большого окна, из которого открывался вид на реку. Сегодня вечером нас здесь собралось много. Мы только что закончили сдавать экзамены, и до конца семестра и начала долгих летних каникул оставалось всего лишь несколько недель, во время которых у нас будет совсем мало уроков и мероприятий. Мы все много работали и теперь испытывали облегчение оттого, что экзамены остались позади.

План действий на эти вечер и ночь состоял в том, чтобы собраться в пабе, затем отправиться в кино, чтобы посмотреть новый фильм про Джеймса Бонда на настоящему большом экране, а после попытаться пробраться в единственный в Ричмонде ночной клуб. Он был не очень-то хорош, и цены на напитки там казались заоблачными, но выбирать нам все равно осталось не из чего. Я была далеко не уверена, что нам действительно удастся туда попасть, поскольку большинству из нас еще не стукнуло восемнадцати лет, но мы все были за то, чтобы хотя бы попытаться. Том раздобыл для большинства парней довольно сносные поддельные удостоверения личности, так что дело выгорит.

Наша компания представляла собой сборную солянку: девушки из одной школы, а парни из другой, расположенной по соседству. За те годы, что мы были вместе, встречаясь в школьных автобусах и общаясь через забор, разделяющий спортивные площадки и поля школ, наша компания разрослась и сплотилась. После того как мы перешли в шестой класс, нам разрешили уходить с территории школы на обеденный перерыв, тогда-то отношения между

некоторыми из нас и приобрели новые грани. Сейчас среди нас не было сложившихся пар, но, как предполагала я, с окончанием экзаменов такое положение дел вполне могло измениться.

Я знала, что Грейс очень нравится Джек, и мы с ней провели немало долгих часов, обсуждая наши планы по покорению его и Роба. К несчастью, как нам было известно, и некоторые другие девушки тоже имели на них виды, и на настоящий момент шансы прибрать их к рукам казались минимальными.

В пабе, перед тем, как мы пошли в кино, Роб посмотрел на меня испытующе, и у него сделался задумчивый вид.

– Классный прикид, – сказал он, одобрительно кивнув. – Чем же вызвана такая перемена имиджа? – Склонив голову набок, он окинул меня взглядом с чуть заметной улыбкой.

– Ну, в общем, возникла чрезвычайная ситуация, и мне пришлось срочно посетить благотворительный магазин, – смущенно призналась я. И тут же услышала, как сидящая за моей спиной Грейс досадливо вздохнула.

– Не рассказывай ему об этом – пусть он думает, что ты принарядилась специально для него, – прошептала она в ухо. Я мысленно вздохнула – у меня не очень-то получалось чувствовать себя такой крутой, какой я пыталась сейчас выглядеть.

– В самом деле? – Роб опять улыбнулся и наклонился так, чтобы быть чуть ближе. – Чрезвычайная ситуация? А что произошло? – Остальные ребята из нашей компании смолкли – всем было интересно узнать, что же заставило меня пересмотреть мои взгляды на стиль одежды.

– Ну, – я замялась, внезапно почувствовав, что мне совсем не хочется рассказывать им про браслет, – в общем, я, можно так выразиться, упала в реку, когда пыталась прийти на помощь лебедю, который зацепился за проволоку и не мог взлететь.

Внезапно друзья захохотали во все горло. Да, это была та Алекс, которую они знали, а не та, которая сейчас сидела перед ними, одетая в изящное воздушное платье.

– Алекс, ты пока еще не ветеринар, – с улыбкой сказал Джек, взъерошив мне волосы. – На твоём месте я бы предоставил животных самим себе и не трогал их, пока точно не будешь знать, что с ними надо делать.

– Думаю, тот лебедь присоединился бы к твоему мнению, – уныло согласилась я, улыбнувшись в ответ.

– Эти лебеди – опасные агрессивные существа, – добавил он. – Я бы не стал связываться с такой птицей.

– Думаю, в таком случае Алекс будет похрабрее тебя, приятель, – с улыбкой заметил Роб, тихонько придвинувшись еще ближе. Я видела: улыбаются только его губы, но не глаза. Хотя по большей части парни вроде бы ладили друг с другом, я была совсем не уверена, что Джек действительно нравится Робу, и это меня огорчало.

Джек был одним из моих самых давних друзей, мы с ним, можно сказать, выросли вместе. Он также был одним из самых красивых парней в городе и, будучи капитаном футбольной команды школы, имел невероятно спортивный вид. Какая жалость, что я никогда не могла смотреть на него иначе, чем как на еще одного родственника. Его старший брат учился в одном классе с моим с тех самых пор, как им обоим стукнуло по четыре года, и наши родители стали близкими друзьями. В результате получилось, что мы с Джеком чего только не делали вместе. Поскольку в его компании я была единственной девчонкой, другие его друзья то и дело брали надо мной верх, так что я очень скоро научилась лазать по деревьям, играть в футбол и вообще вливаться. Нас с Джеком связывало общее прошлое, о котором Роб мог только строить догадки.

И теперь, слушая Роба, я вдруг поняла, что он просто ревнует меня к Джеку. Поэтому неудивительно, что он ершится. Я взглянула на Грейс и увидела, что она подняла одну из своих безупречных бровей, забавляясь тем, как сейчас ведет себя Роб. Теперь я была совершенно уверена, что выиграла битву с Эшли еще до того, как она началась. Роб Андервуд – самый спортивный парень во всей школе! Я никак не могла до конца поверить в то, что мне достаточно вести себя обычно, не теряя головы, – и он будет мой. Я постаралась дышать ровно, чтобы унять нервную дрожь.

Между тем Роб удобно расположился рядом со мной и положил руку на спинку моего стула. Я украдкой бросила взгляд на его отражение в оконном стекле. Он был красив классической красотой, высокий, светловолосый, а не чернявый, как Джек, и, как всегда, хорошо одет – пусть и в повседневном стиле, но так, что было видно: надетые на нем вещи стоят немало. Он все-таки заметил, как я взглянула на отражение, и его карие глаза блеснули. Он наклонился еще ближе.

– Сегодня ты выглядишь просто потрясающе, – тихо сказал он. – Тебе стоит почаще падать в реку.

У меня по спине пробежала дрожь, когда он легко погладил пальцами мою шею. Сколько времени я мечтала об этом моменте? Я знала, что не смогу перед ним устоять.

Я откинулась на спинку стула, и его рука легла мне на плечо. Уголкем глаза я заметила, как напряглась Эшли. Ей это не понравится, но это ее проблема, а не моя. Я буду просто наслаждаться этим вечером.

Роб сделал так, что в кино мы с ним сели рядом. Грейс удалось оказаться рядом с Джеком, так что мы с ней будем сполна обеспечены темами для последующей беседы. Правда, фильм совсем не располагал к романтике, в нем было слишком много насилия. Однако во время одной из более мирных сцен Роб как бы невзначай коснулся меня рукой, когда я потянулась за бутылкой с водой, потом улыбнулся мне и сплел свои длинные пальцы с моими. Я только что начала расслабляться, перестав беспокоиться о том, что ладонь у меня, возможно, слишком горячая и потная, когда последовала особенно жуткая сцена, в которой героя пытали. Невольно я чересчур крепко стиснула пальцы Роба, и он потихоньку высвободил их. К счастью, в потемках он не мог видеть, как я покраснела, но затем его рука легла на спинку моего кресла – там я не могла причинить ему боль.

Когда фильм закончился, парни сразу же решили, что нам нужно не идти в ночной клуб, а поесть, и мы всей компанией завалились в одну из местных сетевых пиццерий. Несколько минут нам пришлось подождать, пока персонал переставлял для нас столики в противоположном углу зала, а когда мы наконец решили сделать заказ, я вдруг поняла, что Роб опять старается сделать так, чтобы мы с ним сели вместе. По дороге в ресторан я заметила, что Джек остался рядом с Грейс, и один раз он точно взял ее за руку. И, само собой, они тоже сели вместе.

Когда мы с Робом заняли свои места, я встретилась с ней глазами и вопросительно приподняла брови. Она мигом залилась краской и спрятала лицо за меню, но потом посмотрела на меня поверх него и чуть заметно кивнула.

Роб вел себя со мной очень по-хозяйски, позаботившись о том, чтобы у меня были и меню, и бокал с напитком, и приличный стул, стоящий там, где не тянуло холодом из открытого окна. И тут мне вдруг захотелось заорать ему, чтобы он расслабился. Да что это со мной? Еще вчера я отдала бы что угодно, чтобы он вот так носился со мной, но почему-то теперь это начинало меня раздражать. Я не могла понять, почему не в состоянии просто наслаждаться сегодняшним вечером. Я несколько месяцев ждала, чтобы Роб обратил на меня внимание, однако теперь, когда он наконец это сделал, я была уже не уверена, что он именно то, чего я хочу. Проблема, как я осознала, была в том, что я не знала, чего именно мне надо.

Я попыталась стряхнуть с себя напряжение. Может быть, это просто реакция на окончание экзаменов. Я с усилием расслабила плечи и повернулась к Робу с улыбкой.

Официантка все больше и больше нервничала по мере того, как наша компания начинала шуметь все громче и громче, ожидая, когда нам наконец принесут заказанные пиццы. Затем мы все разом смолкли, вгрызаясь в тесто и обмениваясь ломтиками пиццы друг с другом. Мы засиделись в ресторане надолго, доедая каждый кусок на каждой тарелке, разбирая по косточкам фабулу фильма и сравнивая актера, сыгравшего в нем Джеймса Бонда, с теми, кто играл эту роль прежде.

Ресторан был открыт допоздна, чтобы в нем могли утолить голод те, кто выходил с вечерних киносеансов, но некоторые из нас оказались ограничены во времени, поскольку завтра утром нам нужно было опять возвращаться в школу. Поскольку мы с Грейс ходили в художественный кружок, нам рано утром предстояло отправиться на экскурсию в Лондон, и она собиралась заночевать у меня дома, так что мы могли сесть на последнюю электричку вместе. Похоже, на протяжении всего долгого пути от станции до моего дома, который мы проделаем пешком, нам будет о чем поговорить.

Посреди оживленной дискуссии с Илоиз по поводу того, был ли предыдущий Бонд красивее нынешнего или же он все-таки был немного староват, я взглянула

на часы и подумала, что скоро нам с Грейс надо будет уходить, иначе мы опоздаем на последнюю электричку, идущую в сторону моего дома.

– Послушай, Грейс, – позвала я через стол, – нам уже скоро уходить.

У нее был такой вид, будто я пробудила ее от сладких грез; похоже, слушая то, что говорил ей Джек, она впала в экстаз. Несколько секунд мне казалось, что сейчас она, возможно, поменяет наши планы.

– А... Верно. Ну да, – промямлила она. – Я только допью кофе...

В это мгновение Роб взял меня за руку и повернул к себе лицом.

– А теперь послушай меня, маленькая мисс Трудоголик, – сказал он. – Поскольку экзамены уже закончились, ты можешь позволить себе немного отдохнуть и развеяться. На время летних каникул мои родители снимут коттедж в Корнуолле, и они обещали, что на пару недель могут предоставить его в мое распоряжение, если я захочу пригласить туда друзей. – С этими словами он перебросил прядь моих длинных светлых волос с плеча на спину, не глядя при этом мне в глаза.

– Это было бы здорово, – с энтузиазмом ответила я. Я никогда еще не бывала в Корнуолле, и мне очень хотелось попробовать заняться серфингом на тамошних волнах. – Скольких из нас может вместить этот коттедж?

На его лице вдруг мелькнуло хитрое выражение, но оно исчезло так быстро, что я была не уверена, действительно ли я его видела или мне это почудилось.

– Ну в нем достаточно места для восьми человек, – признался он, – но я имел в виду нечто чуть более... интимное. – И, чтобы я лучше поняла его мысль, он легко провел пальцем по бедру и сжал мое колено.

Какие из моих слов он расценил как заигрывания? Строго говоря, мы с ним еще даже не начали официально встречаться, а он уже приготовил любовное гнездышко.

– Мм, я еще точно не знаю, когда именно должна ехать с родителями в Испанию, – быстро сблефовала я, совершенно не представляя себе, как вывернуться из этой ситуации.

Я огляделась по сторонам. К счастью, никто не прислушивался к нашему разговору, но раз так, то никто и не придет мне на помощь. Я не знала, что делать.

– Но это прекрасная мысль, – продолжила я, не желая задевать его самолюбие. – Не могли бы мы поговорить об этом ближе к концу недели? Я хочу сказать... это немного неожиданно, и я не уверена... – смущенно призналась я, вмиг перестав притворяться искушенной.

Он взял меня за обе руки и проникновенно посмотрел в мои глаза.

– Конечно, – успокаивающе прошептал он. – Просто... увидев тебя сегодня вечером, я понял, что вместе мы могли бы получить массу удовольствий. – Я сглотнула, постаравшись сделать это не слишком явно и не забывать дышать. Его пальцы принялись ласкать внутреннюю часть моего запястья.

– Почему бы нам не обсудить это в субботу за ужином? – не унимался он. – Я могу позаимствовать у матери машину, и мы с тобой поедem в один милый загородный ресторан, только ты и я. – Это вовсе не было вопросом: он уже все продумал, и стало очевидно: он ожидает, что я соглашусь. События развивались с пугающей быстротой.

Но именно на это я и надеялась все последние месяцы, напомнила я себе. Роб только что пригласил меня на ужин в ресторан, а не просто на еще одну групповую поездку за город.

– Мне надо посмотреть, что уже запланировано, – сказала я так небрежно, как только могла, – но, думаю, суббота свободна.

Он засмеялся, раскусив мою притворную невозмутимость.

– Отлично, а детали мы сможем обговорить завтра. – Он подался вперед, и наши лица так сблизились, что мы почти касались друг друга носами. – Я с таким

нетерпением жду возможности оказаться с тобой вдвоем.

Его дыхание пахло мятой. Как он это проделал? Я попыталась отогнать от себя мысль о том, что он был настолько уверен в себе, что перед тем, как начать этот разговор, успел раздобыть и съесть мятный леденец.

В это мгновение он подался вперед и коснулся губами моих губ. Я растаяла. Какими бы ни были его мотивы, он великолепен. После всех своих трудов по подготовке к экзаменам я заслужила возможность развеяться.

Я посмотрела на него из-под полуопущенных ресниц.

– Я тоже, – прошептала я, радуясь тому, что чуть ранее отказалась от жареного чесночного хлеба.

Внезапно я осознала: вокруг нас воцарилось молчание. И, оглядевшись, увидела полные любопытства лица друзей.

– Значит, вы двое наконец взялись за ум и сошлись, да? – возликовал Джек, по-свойски обвивая рукой плечи Грейс.

– На себя посмотри, – тут же ответил Роб, взмахом руки указывая на Грейс, которая тотчас густо покраснела. С противоположного конца стола донесся громкий скребущий звук – это Эшли отодвинула стул, после чего, вскочив на ноги, бросилась к дамскому туалету.

Я села прямо.

– Надо же, – прошептала я. – Ну и в щекотливое же положение ты попал. – Я незаметно бросила взгляд на Роба – на секунду на его лице показалась самодовольная ухмылка, затем он нахмурился.

– Миа, – громко сказал он, глядя на дальний конец стола, – с Эшли все в порядке? Может быть, надо пойти и посмотреть?.. – Ему удалось придать своему тону ровно столько озабоченности, сколько было нужно, но Миа уже и так направлялась в сторону туалета. Он снова повернулся ко мне: – Что это с ней?

– Ой, да брось. Тебе наверняка известно, что она уже несколько месяцев жаждет заполучить тебя.

– В самом деле? Я и понятия не имел. – Я прикусила губу и постаралась подавить охватившее меня раздражение – он был не так туп, чтобы не замечать того, что бросалось в глаза. Но мне совсем не хотелось портить этот вечер. Семестр почти закончился. Роб наконец назначил мне свидание и поцеловал. Я должна быть на седьмом небе от счастья. Он между тем продолжал: – А теперь, когда Эшли увидела меня с тобой, неудивительно, что она расстроена.

Мне нужно было время, чтобы подумать. Я снова взглянула на часы.

– Вот черт! – воскликнула я. – Грейс, нам пора, и надо будет всю дорогу бежать, иначе нам придется заплатить за такси. – Мы схватили рюкзаки и пакеты, бросили на стол деньги, чтобы оплатить свою часть счета, и, помахав всем на прощание, ринулись к двери. По крайней мере, мне не придется смотреть на лицо Эшли, когда она наконец выйдет из туалета. Интересно, попытается ли Роб утешить ее, подумала я и так и не смогла понять, почему мысль об этом меня ничуть не беспокоит. Потом из моей головы разом вылетели все мысли, и я, сорвав с ног дурацкие босоножки, бросилась бежать по центральной улице вместе с Грейс.

Видение

Той ночью мы с Грейс спали мало. Мы едва-едва успели на последнюю электричку и провели всю поездку в ней и всю долгую пешую прогулку до моего дома, разбирая и анализируя то, что произошло за этот вечер.

Грейс вся сияла. Она уже несколько лет жаждала обратить на себя внимание Джека, и теперь у нее наконец появился неплохой шанс. По дороге до дома мы подробно обсудили, как ей лучше всего вести себя с ним в предстоящие несколько недель, чтобы его интерес к ней не угасал. Если ей удастся сделать так, чтобы в это время он не обращал внимания на остальных девчонок, у нее будет куда больше шансов на долговременные отношения с ним, решили мы. Эти отношения предоставили нам множество тем для обсуждения, и я делала все, чтобы наш разговор в основном касался Джека и Грейс, лишь бы поменьше

говорить о Робе.

Но Грейс все-таки не дала мне держать нашу беседу в стороне от Роба.

– Значит, Роб наконец перешел к активным действиям и пригласил тебя в ресторан, – сказала она, пока мы устало брели по дороге, ведущей от станции к дому. У меня на ногах снова были кроссовки «Конверс», которые я отняла у Грейс в электричке после недолгой борьбы.

– Да, похоже, он выбрал такой план действий... но есть еще кое-что: он хочет, чтобы через несколько недель я отправилась вместе с ним в Корнуолл. Его родители сняли там коттедж.

– С твоей стороны это довольно смело – согласиться уже сейчас, когда ваши отношения только начались, провести столько времени с его семьей.

– В этом-то и состоит загвоздка. Видишь ли, – призналась я, – его семьи там не будет. В коттедже окажемся только я и он.

Я услышала, как Грейс судорожно втянула в себя воздух, и украдкой бросила взгляд на ее лицо – в эту минуту мы как раз проходили под уличным фонарем.

– Да он просто бабник, тебе так не кажется? – Она сделала паузу. – И что же ты будешь делать – поедешь с ним? – внезапно перейдя на более легкомысленный тон, спросила она.

– Как такая мысль вообще могла прийти тебе в голову? – воскликнула я. – Для этого еще слишком рано.

– Знаю, – согласилась она. – Но иногда даже самые лучшие намерения куда-то испаряются, если искушение слишком велико. – В ее глазах вдруг появилось отсутствующее выражение, а голос стал тише.

Это было явное проявление слабости.

– Ты говоришь так, будто сама подумывала сделать что-то в этом же духе, – забросила я пробный шар.

– А может быть, стоило бы рискнуть? Но я думала не об этом, а о нашем с тобой пакте.

Давным-давно мы с Грейс заключили пакт о том, что будем всеми силами отговаривать друг друга, если кто-то из нас начнет подумывать о том, чтобы переступить черту. За последний год мы слишком часто наблюдали, как наши подруги очертя голову заводят не сулящие ничего хорошего и быстро обрывающиеся связи, и никому из нас не хотелось испытать такую же боль, какую испытали они.

Еще в начале этой недели я гадала, не есть ли Роб тот самый единственный и неповторимый, но сейчас я видела его в куда более ясном свете, и вся эта история казалась мне чем-то... неправильным, что ли. Я никак не могла взять в толк, почему: он красив, популярен, у него не было другой девушки, и он начал проявлять интерес ко мне. Так почему же я не испытываю особой радости?

Мы с Грейс не смогли устоять перед искушением зайти на небольшую детскую площадку и при лунном свете покачаться на качелях. Когда мы только переехали сюда, мне было девять лет, и я считала себя слишком взрослой и искушенной, чтобы снизойти до подобных развлечений, но теперь мы с Грейс регулярно приходили к здешним качелям, чтобы поговорить вдали от посторонних ушей.

Мы разговаривали об Эшли. Я знала Эшли уже целую вечность. Мы с ней учились в одной школе с самого момента поступления, но не всегда посещали одни и те же уроки. Мы во многом были похожи, обе слишком склонны к соперничеству и никогда особо не дружили. Но иногда нам с ней доводилось вместе участвовать в чем-то увлекательном – например, в начальной школе во время поездки во Францию, когда мы на пару возглавили набег на спальни мальчиков, или недавнее турне школьного хора... Но, к сожалению, из-за Роба все эти приятные воспоминания были теперь омрачены. Как только я осознала, что мы обе положили на него глаз, стало ясно, что хрупкое перемирие в наших с ней отношениях теперь рухнет.

Моя дружба с Грейс намного проще. Мы с ней были очень разные и по внешнему облику, и по взглядам на жизнь, и по культурным корням, и все-таки оставались лучшими подругами. К счастью, нам никогда не нравились одни и те же мальчики. Вместо этого в последние шесть лет мы с ней делились друг с другом

всеми катастрофическими драмами и влюбленностями, которые случались с каждой из нас, а затем и эмоциональными травмами, которые испытали: в четырнадцать лет и меня, и ее бросили мальчишки, с которыми мы даже толком не успели и пообщаться. А еще мы на протяжении всего этого времени изливали друг другу душу, жалуясь на докучливое любопытство наших матерей. К настоящему моменту каждая из нас уже чувствовала, когда другой приходится несладко, и мы обе приобрели удивительную способность звонить друг другу именно в тот момент, когда кто-то из нас особенно нуждался в поддержке. Я безоговорочно доверяла Грейс и знала, что мы будем дружить всегда.

Мы все еще негромко смеялись, разговаривая о Джеке и Робе, когда доползли к дому, затем тихонько вошли, стараясь не слишком потревожить сон моих родителей. Какая жалость, подумала я, что завтра нам рано вставать: если бы не это, мы могли бы проболтать всю ночь.

Я думала о событиях минувшего дня, огорчаясь при мысли о перепачканных какой-то дрянью новых джинсах, когда вдруг вспомнила про браслет. Вскочив с постели, я порылась в своей сумке и отыскала его. В тусклом свете серебро мерцало, а камень казался маленьким глубоким темно-голубым озерцом. Я и не помнила, что успела так хорошо его очистить. Сейчас он несколько не походил на почерневший металлический ободок, который я выудила из грязи.

Я надела его на запястье, чтобы увидеть, как он будет смотреться на моей руке. Его размер подходил мне так идеально, словно он был сделан именно для меня. Я вгляделась в камень, и мое сердце объял глубокий покой. Почему-то у меня было сейчас такое чувство, будто, надев этот браслет на руку, я поступила правильно, а то, что он так долго пролежал под галькой и песком, казалось мне ужасно несправедливым. Я поднесла его ближе к свету ночника на тумбочке, чтобы лучше рассмотреть, и когда в глубине камня заплясал огонь, у меня перехватило дыхание – мне почти показалось, что он радуется своему освобождению. Этот браслет определенно был самым изумительным и необыкновенным ювелирным украшением, которое мне когда-либо случалось видеть. Наконец я с неохотой отвела от него взгляд, мысленно пообещав себе, что завтра займусь по-настоящему тщательной его чисткой.

Я уже собиралась выключить свет, когда Грейс вдруг закашлялась.

– Это ерунда, просто запершило в горле, – сказала она.

– Тебе надо выпить воды, – решила я. Мне совсем не хотелось, чтобы она своим кашлем не давала нам спать. – Я спущусь на кухню и принесу тебе стакан воды.

Мы с ней уже много раз ночевали в одной комнате, и я по опыту знала, что она может прокашлять во сне всю ночь.

Внизу было очень темно, поскольку все в доме уже давно отправились спать. Я достала из буфета стакан, наполнила его водой из крана и вернулась в холл, бросив по дороге взгляд на тяжелый браслет на руке. Я рассеянно коснулась его все еще холодного серебра, и вдруг все мое сознание заполнил образ изумительно красивого парня. Я видела юношу так ясно, словно он стоял прямо передо мной. Это случилось так неожиданно, что я отпрыгнула назад, подавив рвущийся из горла крик и выронив стакан. Его черты были исполнены благородства и в то же время ярости: пронзительные голубые глаза, точеные скулы и волевой подбородок. А еще идеальная кожа, гладко выбритая и покрытая легким загаром, с маленькой родинкой у самого уголка губ. У него, вне всякого сомнения, было самое обворожительное обличье, которое я когда-либо видела. Но вид у него остался озадаченный и печальный, его лоб слегка сморщен, а безупречной формы губы плотно сжаты.

Его образ задержался в моем сознании еще лишь на секунду, но я все-таки успела рассмотреть, что волосы у него русые, плечи его напряжены и что одет он во что-то темное. Затем, когда я протянула руку к выключателю, чтобы включить свет, он исчез так же стремительно, как возник в моей голове, и я снова стояла одна в темном холле дома, а под моими ногами виднелась лужица воды.

– Черт, – пробормотала я, вдруг осознав, что у меня просто разыгралось воображение и что я пролила воду и разбила стакан. Я услышала, как на втором этаже открылась дверь спальни родителей, и поняла, что сейчас в холл спустится мама, чтобы выяснить, откуда взялся шум. Она всегда очень раздражалась и недовольно ворчала, когда мне случалось ее разбудить.

Я взбежала по лестнице, чтобы преградить ей путь.

– Извини, мама, – прошептала я. – Я несла Грейс стакан воды, но споткнулась о чью-то обувь и уронила его.

Мама вечно жаловалась на то, что другие обитатели нашего дома оставляют обувь где попало, так что она определенно поверит, что все именно так и было.

– Впредь будь поосторожнее, Алекс. И непременно собери с пола все битое стекло.

– Хорошо. Прости, что разбудила.

– Что ж, теперь я, по крайней мере, точно знаю, что ты благополучно добралась домой, – улыбнулась она. – Как прошел вечер? Хорошо?

– Нормально, – неохотно подтвердила я. Мне сейчас совсем не хотелось, чтобы она в очередной раз пустилась в долгие расспросы. К счастью, она поняла намек.

– Расскажешь мне все завтра. Увидимся...

– ...утром, – закончила я и поцеловала ее в щеку.

Она вернулась к себе в спальню, а я сбежала по лестнице в холл, чтобы заняться полом. Здесь я наконец включила свет и быстро оценила нанесенный мною урон. Осколков было совсем мало, так как стакан просто-напросто раскололся надвое, и лужица на половицах тоже была небольшой, поскольку я наполнила его далеко не до краев.

Вытирая пол, я рылась в своей памяти. Я совершенно не представляла, где могла видеть это лицо раньше. Где-то же я его видела – вероятно, по телевизору, решила я: этот парень был слишком красив, чтобы оказаться просто игрой моего воображения. И его образ был таким ярким, таким слепящим, как будто какая-то сила спроецировала его прямо в мою голову. Но самым странным было то, что я отчего-то чувствовала: это не просто воспоминание о ком-то, кого я видела раньше; впечатление было такое, будто сегодня я увидела его впервые и будто он на самом деле был здесь, передо мной. Но все это совершенно не поддавалось моему пониманию, и в конце концов я отказалась от попыток хоть что-либо понять. Было поздно, и я устала – так что, возможно, утром мне придет в голову какая-нибудь мысль, которая все объяснит.

Я взяла в кухне другой стакан, налила в него воды и поднялась в комнату, ожидая расспросов Грейс. Но час был поздний, и она уже успела уснуть. Похоже, чтобы обсудить то фантастическое приключение, которое я пережила, мне придется подождать до завтра.

Утром я вдруг осознала, что браслет все еще на моей руке. Мне в нем было так комфортно, что я даже не заметила, что не сняла его на ночь. Я спустилась на кухню, чтобы приготовить кофе для Грейс, и, ожидая, когда закипит чайник, стерла с голубого камня крошечную соринку. На долю секунды мне показалось, что я опять вижу, как по его поверхности пробегает тень или рябь, но я вгляделась в него получше и на этот раз не увидела ничего. «Я схожу с ума, – пробормотала я себе под нос, вспомнив минувшую ночь. – Браслеты просто не могут моргать, и никто не способен проецировать в чужую голову образы незнакомых парней». Я надеялась, что к утру все это как-нибудь прояснится, но мне было все так же непонятно, кто или что явилось причиной того, что со мной произошло.

Как обычно, в последнюю минуту мы с Грейс вдруг поняли, что опаздываем, и, в спешке схватив по печенье вместо полноценного завтрака, бросились бежать к автобусной остановке.

Преимущества учебы в школе для девочек, расположенной через забор от школы для мальчиков, были неоценимы. Можно было вообще избегать общения с мальчиками, если ты оказывалась не в настроении или выглядела неважно, и в то же время получалось легче легкого встретиться у забора во время перемены. Кроме того, у наших школ была общая служба перевозок, и каждый ученик или ученица, где бы они ни жили, могли приехать в школу на автобусе. Этот автобус был центром моей светской жизни с одиннадцати лет, начиная с самой первой недели, в течение которой я научилась от мальчиков всем бранным словам, имеющимся в английском языке, и до настоящего времени, когда, сидя в этом же самом автобусе, мы, девушки, обсуждали способы привлечь к себе внимание парней.

Все немного изменилось после того, как мы перешли в старший, шестой класс^[1 - В Великобритании шестым классом называются последние два года учебы в средней школе (17 и 18 лет).]. Теперь больше не надо было носить школьную форму, и мы могли снисходительно взирать на едущих в нашем автобусе ребят помладше, время от времени морщась, когда нам приходило в голову, что в их возрасте и мы вели себя точно так же.

Мой старший брат, Джош, которому уже стукнуло восемнадцать, учился в школе последний год и все шесть лет умудрялся полностью меня игнорировать во время автобусных поездок. Но изменилось и это, поскольку он и некоторые его друзья начали проявлять больший интерес к моим подругам, так что изредка они все-таки переставали делать вид, будто нас не существует.

Наш автобус подъехал к остановке, и теперь я могла без помех побеседовать с Грейс. Я как раз собиралась выложить ей все как на духу, но тут на переднее сиденье плюхнулась одна из наших приятельниц и принялась расспрашивать Грейс о Джеке: сарафанное радио явно поработало сверхурочно. Мой рассказ подождет, решила я. По дороге в Лондон мы еще успеем все обсудить.

Поездка в Лондон была организована для тех из нас, кто ходил в художественный кружок – занятия в нем носили факультативный характер и проводились в послеполуденные часы во время перерыва на обед. Большинство девушек из нашей группы неплохо разбирались в искусстве и рисовали, но не обладали достаточным талантом и целеустремленностью, чтобы сдавать экзамены по этому предмету. Однако членство в кружке давало нам возможность поразвлечься. Темой нашей внеаудиторной работы на этот семестр был осмотр произведений искусства, украшающих общественные здания, и сегодня мы направлялись в собор Святого Павла. Меня особенно интересовали тамошние статуи и барельефы, и после долгих изысканий в Интернете я собиралась сделать наброски скульптур, украшающих гробницу герцога Веллингтона, великого полководца, разгромившего Наполеона в битве при Ватерлоо. К сожалению, к тому времени, когда я сдала план работы, оказалось, что мои изыскания были все-таки недостаточны и что все фигуры ангелов находятся на самом верху огромной гробницы. Так что рисовать их будет ох как нелегко.

В Лондон мы приехали на микроавтобусе, который вела одна из преподавательниц художественного кружка. Все в группе чувствовали себя усталыми, ведь вчера вечером вся наша компания отмечала окончание экзаменов, и некоторые из девушек добрались домой очень и очень поздно. К сожалению, миссис Белл оказалась на редкость агрессивным водителем, и по мере того, как микроавтобус стремительно несся по улицам с односторонним движением на южном берегу Темзы, иные из нас начинали выглядеть все хуже и хуже. Одни раз я совсем было уверилась, что Мелиссу сейчас вырвет. Она ужасно побледнела, и кто-то молча дал ей пластиковый пакет и открыл окно. Но никто из нас так и не решился попросить миссис Белл снизить скорость.

Наконец мы въехали в Лондон, где величественный купол собора каким-то образом умудрялся по-прежнему доминировать даже над расположенными поблизости гораздо более высокими штаб-квартирами крупных корпораций. Огромный, выстроенный из белого камня собор, недавно очищенный от накопившейся на его стенах многовековой копоти, казалось, светился в лучах солнца. Две высокие башни, обрамляющие западный вход в здание, казались ниже, чем были на самом деле, рядом с громадным светло-серым куполом, находящимся в центре. Когда мы въехали на Ладгейт Хилл, я увидела, как под солнцем блестят позолота на вершинах обеих башен и перила Золотой галереи, опоясывающей самую верхнюю часть купола.

Я любила бывать в соборе Святого Павла. В детстве приезжала сюда регулярно: отец и мать были без ума от открывающейся с купола панорамы Лондона, и каждому нашему гостю, приехавшему из другой страны, приходилось волею-неволей ехать в собор, чтобы полюбоваться этим видом. Если смотреть с Золотой галереи на восток, можно было увидеть Тауэр и Тауэрский мост, примостившиеся между высокими современными зданиями. На севере высились холмы Хэмпстеда и Хайгейта, и если погода выдавалась ясная, далеко-далеко на юго-западе можно было разглядеть Ричмонд-парк. Путь до Золотой галереи, самого высокого места в соборе, куда можно добраться, был неблизким: он состоял из сотен и сотен ступенек, но его стоило проделывать опять и опять. Меня всегда приводила в восхищение конструкция купола с ее переплетением деревянных балок, которые поддерживали его изнутри и между которыми находилась лестница, ведущая на самый верх. Надо было только вести себя осторожно и не слишком часто смотреть вниз, чтобы от высоты не закружилась голова. Но хуже всего оказывалось застекленное смотровое окошко почти на самом верху, через которое можно было глядеть на крохотные фигурки людей, находящихся прямо под твоими ногами. Глядя в это окошко, я всегда ощущала тошноту, представляя, как падаю вниз, и гадая, могут ли эти люди далеко внизу видеть меня, глядящую с головокружительной высоты на то, что они сейчас делают.

Но сегодня у меня не будет возможности взобраться наверх, потому что мне предстоит слишком много работы по выполнению внеаудиторного задания на этот семестр.

Прохлада и полумрак внутри собора Святого Павла резко контрастировали со слепящим солнечным светом и кипучим людским муравейником за пределами его стен. Когда мы вошли в собор, нам показалось, что кто-то невидимый

опустил за нами ставень, отгородив нас от яркого света, шума и вообще от всего двадцать первого века с его бешеным ритмом жизни. Мы с Грейс медленно прошли через турникеты вместе с остальными девушками из группы, и наши глаза постепенно приспособились к приглушенному свету. Что-то в атмосфере собора вселило в нас странный трепет, и болтовня, начавшаяся сразу после того, как бешеная гонка на микроавтобусе, слава богу, осталась позади, смолкла, когда мы устремили взоры в вышину. Я видела, что все посетители чувствуют себя здесь так же, как и мы: каждый, кто входил в собор, не мог не ощутить благоговейного трепета от грандиозности внутреннего пространства. Этот конец собора был пуст: здесь не было ни скамей для прихожан, ни величественных гробниц, вокруг простирался голый пол, похожий на шахматную доску, и высились исполинские колонны, поддерживающие сводчатый потолок. Несмотря на то что я бывала здесь уже много-много раз, входя, я неизменно чувствовала, что у меня захватывает дух.

Мы с Грейс достали из рюкзаков блокноты и карты собора и начали искать те памятники, которые нам надо было зарисовать. Когда мы шли по центру главного нефа, Грейс вдруг захихикала.

– Представь себе, как леди Диана шествовала через весь собор в том своем платье, – фыркнула она. Я содрогнулась. Я не могла представить себе ничего худшего, чем долгий проход на глазах у всего мира, чтобы сочетаться браком с мужчиной, который на самом деле ее не любил.

– Если я когда-нибудь выйду замуж, то убегу на какой-нибудь пляж, – сказала я, – и не стану наряжаться в вычурное платье с огромной юбкой, которое обошлось бы родителям в несколько тысяч фунтов. – Правда, папа, возможно, стал бы возражать, с иронией подумала я. Его мнение могло бы стать единственной причиной, по которой я, быть может, все-таки рассмотрела бы вариант с белым платьем, похожим на торт, и всем тем, что, по идее, должно к нему прилагаться. Перед моим мысленным взором предстало лицо Роба, но тут я взглянула на браслет на моей руке, и образ Роба тотчас же уступил место прекрасному лицу юноши, которое я видела минувшей ночью. Я потрясла головой, чтобы прийти в себя, и подумала, что на самом деле мне сейчас нужно только одно: сосредоточиться на работе, которую я должна проделать.

Мы с Грейс дошли уже до центральной части собора и стояли под его грандиозным куполом.

– Вот это да, – выдохнула Грейс, и мы обе задрали головы и устремили взоры вверх, на купол, величественный и великолепный. До нас доносился тихий гул голосов, и мы видели людей, поднявшихся на Галерею шепота, чтобы испробовать на себе ее знаменитый акустический эффект. Считалось, что надо присесть у края огромного кругового балкона, опоясывающего купол собора с внутренней стороны, и что-то прошептать, поднеся губы к стене. И тогда человек, находящийся далеко-далеко, на противоположной стороне этого балкона, услышит то, что ты прошептал. У меня самой никогда не получалось повернуть этот трюк, но туристов все это явно приводило в восторг.

– Мне надо найти гробницу Нельсона, – пробормотала Грейс и, прикусив губу, посмотрела на карту.

– Гробница Нельсона находится в подземной части собора, в крипте. По-моему, вход в нее расположен вон там, – сказала я. – Я присоединюсь к тебе почти сразу, но сначала мне бы хотелось посмотреть на одну вещь в самом центре.

Грейс отправилась на поиски гробницы, пытаясь разыскать в глубинах своего рюкзака карандаш.

Я медленно двинулась вперед, пока не оказалась точно под центром купола, на месте, которое на полу было отмечено мозаикой в виде большой звезды. Далеко в вышине я могла видеть стекло смотрового окошка, но прежде чем я начала гадать, не смотрит ли кто-то оттуда на меня, у меня закружилась голова. Я выпрямилась и потрясенно застыла.

Прямо передо мной стоял юноша, чье лицо померещилось мне минувшей ночью. Во плоти он был еще прекраснее, с изумительно вылепленным лицом и чуть взъерошенными русыми волосами. Я чувствовала, что у меня перехватило дыхание, и изо всех сил пыталась как-то овладеть собой, когда вдруг поняла, что он глядит на меня так же потрясенно, как и я на него. Он быстро оглянулся через плечо, словно желая убедиться в том, что я смотрю именно на него, а не на что-то за его спиной. Мне это проявление неуверенности показалось странным – ведь он так сногшибательно красив. Глаза у него были глубокого, удивительного голубого цвета, и теперь, когда я видела парня воочию, я заметила на его переносице едва уловимое искривление, как будто когда-то, много лет назад, у него был сломан нос. Я смотрела, смотрела на него и вдруг поняла, что мне знаком цвет его глаз – он был точно таким же, как цвет камня на моем браслете. Не веря до конца своим глазам, я дотронулась до браслета и

украдкой бросила на него взгляд.

Он перевел взгляд на мое запястье и в изумлении широко раскрыл глаза. Затем он быстро поднес свою руку к запястью, и я увидела на нем точно такой же браслет, как тот, который был на мне. Выражение его лица вдруг изменилось. Что это – тревога? Он снова посмотрел на меня и подошел чуть ближе.

– Держи себя в руках, – чуть слышно пробормотала я, и попыталась придать своему лицу чуть менее ошарашенный вид и сделать так, чтобы оно казалось более спокойным и интересным. И даже осторожно и чуть заметно улыбнулась. Он был потрясающе, умопомрачительно красив, и я не могла себе представить, что такому парню, как он, нужно от такой девушки, как я, но все-таки стоило попытаться удержать на себе его внимание еще на минутку.

Казалось, в нем шла какая-то внутренняя борьба, потому что он вдруг нахмурился, но потом тоже улыбнулся со странным выражением изумления на лице. Улыбающийся, он был еще более прекрасен, на одной его щеке появилась ямочка, а между полуоткрытыми губами стали видны идеальные белые зубы.

– Привет, – прошептала я, удивившись тому, что заговорила вслух. Он продолжал стоять на том же месте, улыбка его сделалась теперь более уверенной, но он по-прежнему молчал. Похоже, дело окажется более трудным, чем я думала. Может быть, он вообще не говорит по-английски.

– Алекс! – раздался голос за моей спиной. Грейс смотрела на меня как-то странно. – Ты идешь?

– Сейчас, – бросила я через плечо, стараясь не упускать из виду глаза моего собеседника, который пока так ничего мне и не сказал. – Я, в общем-то, должна работать здесь над своим заданием по искусству... – начала я было объяснять ему, но тут же осеклась. Как невразумительно и жалко это прозвучало. Совсем не похоже на увлекательную беседу, которая могла бы заинтересовать такого парня, как он. Я вдруг заметила, что он одет в странный длинный плащ типа накидки, сдвинутый с плеч на спину и закрепленный на горле толстым шнуром. Фантастика. Вот было бы невезение, если бы такой красивый юноша оказался монахом.

Мне показалось, что парень собирается что-то сказать, но прежде чем он успел раскрыть рот, в центре собора вдруг появилась группа немецких туристов, сопровождаемая гидом, который рассказывал им о смотровом окошке в куполе. Гид находился прямо за спиной удивительного юноши и показывал рукой вверх, двигаясь задом. Я поняла, что еще секунда – и гид врежется в него, и инстинктивно протянула руку, чтобы оттащить парня в сторону. Коснувшись его руки, я ощутила легкое покалывание, и моя ладонь прошла прямо сквозь него. Я отдернула руку, словно меня ударило током. Это было невозможно. Я снова посмотрела на него в полном недоумении. На его лице отразились противоречивые чувства. Одним из них явно стала радость – ибо он улыбался, – но в то же время было видно, что он испытывает досаду.

Через несколько секунд немецкие туристы двинулись дальше, поэтому теперь его не затопчут. Должно быть, я все неправильно поняла, решила я; возможно, дело просто в том, что его одежда сделана из какой-то необычной скользкой ткани, или же меня сбила с толку его поразительная красота. Не могла же моя рука действительно пройти сквозь него – ведь люди состоят из плоти и крови, так что всему этому должно быть какое-то разумное объяснение. Я опять попробовала завязать разговор, вдруг осознав, что для его начала у меня есть прекрасная тема.

– Похоже, у тебя такой же браслет, как и у меня. – Я показала сначала на свое запястье, потом на его. Он взглянул на свою руку, затем посмотрел прямо мне в глаза.

Он никак не мог быть намного старше меня, но его прекрасные глаза говорили о пережитых страданиях и невзгодах. Он поднял руку, чтобы показать мне запястье. Его браслет и впрямь выглядел точно так же, как и мой. Решив, что будет лучше сравнить их вблизи, я улыбнулась и сделала пару шагов в его сторону. Но стоило мне сдвинуться с места, как воздух вокруг парня словно начал вихриться, и он вдруг пропал. Я быстро завертела головой, но он каким-то образом смог исчезнуть без следа. Однако прямо у себя за спиной я увидела Грейс – она стояла, сложив руки на груди, и на лице ее было написано недоумение.

– Куда он подевался? – спросила я, не переставая вглядываться в обтекающие нас со всех сторон толпы туристов.

– Кто? – В голосе Грейс прозвучало удивление.

- Тот парень! На нем еще была накидка. Куда он пошел?

- Я не видела здесь никого в накидке.

- Да нет же, ты должна была его видеть. Он стоял прямо здесь. Я с ним разговаривала...

- Алекс. - Грейс ласково коснулась моей руки. - Ты стояла одна, и у тебя был такой вид, будто ты разговариваешь сама с собой. Поэтому я и вернулась.

- Но он только что был прямо здесь, передо мной, самый красивый парень, которого я когда-либо видела в жизни... - я запнулась и замолчала. Да нет же, она не могла его не заметить.

- По-моему, тебе лучше сесть, - мягко приказала Грейс и, взяв меня за руку, потянула в сторону переднего ряда скамеек.

- Со мной все в порядке, - запротестовала я, продолжая стоять на цыпочках и все еще пытаюсь увидеть его в толпе.

- Алекс, милая, ты осталась посреди собора одна, и вид у тебя был такой, будто ты немного не в себе, - тихо сказала Грейс. - Скоро кто-нибудь наверняка обратил бы на тебя внимание, а тебе, я думаю, не хотелось бы, чтобы над тобой насмехались.

Я плюхнулась на скамейку, наконец признав поражение.

- Может быть, тебе надо попить воды, - продолжала Грейс. - Или выйти на свежий воздух.

- Со мной все в порядке, - вздохнула я. - Просто подожди еще минутку. - Но было видно, что так легко она от меня не отстанет.

- Итак, ты разговаривала с мужчиной в накидке, которого я не видела. Я правильно описала ситуацию?

– Когда ты так об этом говоришь, все это и вправду кажется невероятным, – согласилась я. Она его не видела, это ясно. Что я могла ей сказать? В ее тоне и так звучал скептицизм, и мой рассказ только убедил бы ее в том, что я совсем спятила. Невидимый парень, до которого я не смогла дотронуться рукой? Да, это нелегко принять на веру.

И тут я почувствовала облегчение от мысли о том, что я так ничего и не сказала ей о своем странном приключении минувшей ночью – хотя она и была моей лучшей подругой, я не хотела перегибать палку. Мне надо хотя бы самой уяснить, в чем тут дело, прежде чем рассказывать об этом кому-то другому, в том числе и Грейс.

Я откинулась на спинку скамьи и, закрыв глаза, опять прокрутила в голове всю эту сцену. Юноша, чей образ я видела минувшей ночью, в самом деле только что стоял прямо передо мной. На сей раз на его лице уже не было явной ярости, он просто был до умопомрачения красив. Я невольно улыбнулась, когда подумала о его улыбке и о том, насколько лучше он выглядел, когда его лицо озаряла радость. И вообще, он так великолепен, что я почувствовала, как смущенно краснею.

– Алекс? – Грейс коснулась моей руки. – Ты хорошо себя чувствуешь? Хочешь, я позову миссис Белл?

Я покачала головой. Совершенно не хотелось, чтобы мне и дальше задавали вопросы.

– Я в порядке. Думаю, утром мне, наверное, все-таки следовало позавтракать. На минуту у меня закружилась голова, и ноги стали как ватные.

Грейс испустила долгий вздох облегчения.

– Ну и доставила же ты мне беспокойства, – сказала она. – Ты вела себя так чудно.

– Ты даже не представляешь, – чуть слышно прошептала я себе под нос, слегка удивившись тому, что подруга так легко приняла мое не слишком-то вразумительное оправдание. – Ну что, займемся Нельсоном и Веллингтоном? – заявила я, встав со скамьи. Надо будет подумать обо всем этом позже, когда я

останусь одна. Может, я и правда схожу с ума? При этой мысли меня пробрала дрожь. Украдкой я еще раз огляделась по сторонам, но его нигде не было видно.

Отражения

После всего, что со мной произошло, задание зарисовать ангелов на гробнице Веллингтона казалось мне чем-то не имеющим особого смысла. Я никак не могла перестать оглядываться по сторонам, ища в толпе его лицо. Но парня нигде не было, хотя меня не оставляло немного выбивающее из колеи чувство, будто за мной кто-то наблюдает. Я несколько раз вглядывалась в камень на браслете, и пару раз мне почудилось, что я вижу в его глубине какое-то движение, но ничего похожего на рябь, которую я, как мне думалось, видела вчера. Все это было просто невероятно.

Грейс то и дело спрашивала, как я себя чувствую, словно я была кем-то вроде инвалида, и я почувствовала немалое облегчение, когда пришло время опять садиться в микроавтобус, чтобы вернуться в школу. Микроавтобус стоял прямо за углом, и, войдя в него, я сразу же заняла место сзади.

Грейс все никак не унималась.

– Ну как, у тебя больше не было видений? – Она задала этот вопрос из самых лучших побуждений, но мне совсем не хотелось говорить о том, что со мной произошло. Мне необходимо было отвлечься, и для этого достаточно просто-напросто направить наш разговор в другое русло.

– Ни единого. – Я попыталась рассмеяться, и результат получился более или менее убедительным. – Думаю, это все из-за того, что у меня стресс, особенно теперь, когда мне надо что-то решать с Робом...

– Точно, – согласилась она. – Это будет сложное решение. Расскажи еще раз, что именно он тебе говорил?

– Лучше ты мне расскажи, какие у тебя планы насчет Джека, – парировала я, вдруг осознав, что лучше всего полностью сменить тему. – Он с тобой говорил

сегодня? Я никогда не видела, чтобы он проявлял к кому-нибудь такой интерес.

Мы уже все это разобрали по косточкам вчера вечером, но я подозревала, что к этой теме Грейс будет с удовольствием возвращаться опять и опять. Она вся светилась от счастья.

Вскоре она подробно рассказывала мне обо всех сообщениях, которые он прислал ей за сегодняшний день, и о том, как она на них отвечала. Мне достаточно было только время от времени делать соответствующие замечания, чтобы она и дальше продолжала говорить только о себе и Джеке. Я радовалась, видя ее такой окрыленной.

Когда микроавтобус наконец доехал до школы, у нас еще оставалось свободное время, чтобы продолжить работу над своими заданиями. Грейс пошла в отдел художественного оформления, чтобы запастись всем необходимым для дальнейшей волокиты с набросками, которые она сделала в соборе, а я быстро забежала в библиотеку и села за компьютер, стоящий в углу.

У нашей школы богатая библиотека, и компьютеров в ней тоже немало, но чаще всего за ними уже кто-то работал, и найти свободный компьютер было нелегко. Только в это время, во второй половине дня, можно было без проблем выбрать компьютер, который не оказался бы занят. Я сидела в тихом уголке библиотеки, у самого окна, и пыталась привести в порядок мысли, успокаивая себя тем, что, если бы и впрямь начинала сходить с ума, у меня не было бы такого страстного желания найти рациональное объяснение всему тому, на что я насмотрелась в последнее время.

Обычно, чтобы найти решение проблемы, я гуглила свой вопрос, но на сей раз я не знала даже, какие именно слова можно было бы ввести в поисковую строку – одетые в накидки неприкасаемые люди в соборе Святого Павла? Вряд ли в Интернете отыщется много информации на подобную тему. На секунду мои пальцы замерли над клавиатурой, но я просто не могла заставить себя набрать такую явную глупость. Я посмотрела на руки и подумала о браслете. Задумчиво потирая голубой камень, я смотрела в окно на спортивные площадки, на одной из которых наша сборная по нетболу нещадно громила какую-то несчастную команду другой школы, приехавшую, чтобы сыграть очередной матч летнего тура. Капитан нашей сборной, Хелен, забила еще один мяч. Игроки команды гостей понурили головы с таким видом, будто им хочется, чтобы эта игра наконец осталась позади.

Переведя взгляд с окна обратно на голубой камень, я снова представила себе лицо того юноши. И, улыбаясь, опять повернулась к компьютеру. В это мгновение через облака вдруг пробилось солнце, ярко осветило меня, и на мониторе появилось четкое отражение моего лица.

Парень стоял прямо за мной, и его незабываемой красоты лицо тоже озарилось светом солнца. Я была так ошарашена, что вскрикнула и резко обернулась.

За моей спиной никого не было.

Меня мороз продрал по спине. Что же это такое? Опять посмотрев на монитор, я увидела на его лице удивление, когда я резко вскочила, опрокинув свой стул. Несколько учениц оторвали глаза от книг и с любопытством уставились на меня. Я быстро оглядела библиотеку и убедилась, что здесь нет таких мест, где он мог бы прятаться. От страха меня опять пробрала дрожь.

– Что случилось? – Из соседнего помещения торопливо вошла мисс Нил. Свой вопрос она демонстративно задала шепотом, пусть и довольно громким.

– Простите, пожалуйста, – промямлила я, лихорадочно подыскивая какое-нибудь правдоподобное оправдание. Не могла же я сказать ей, что у меня видения. – Это из-за осы! – вдруг осенило меня. – В мои волосы забралась оса, но я сумела избавиться от нее, прежде чем она укусила...

– Что ж, оса – это неприятно, но впредь постарайтесь не шуметь. Ведь экзамены сдали еще не все, – прошипела она.

– Извините, – пробурчала я, подняв стул и снова сев на него, в то время как она отошла обратно за угол, где находился рабочий стол. Я подождала, когда под ее весом заскрипит стул, и только после этого опять посмотрела на монитор.

Солнце скрылось за облаком, так что его образ утратил яркость, и все же я могла различить за своей спиной неясную тень. Солнце выглянуло снова, и, когда оно засияло в полную силу, его образ вновь сделался четким.

Он был бесподобен.

Солнечный свет коснулся его русых волос, и они заблестели, а голубые глаза, напротив, показались мне сейчас более темными, таящими в себе непостижимые глубины. Но взгляд его был приветлив, а на красивых полных губах играла мягкая улыбка. На его щеке при этом опять появилась ямочка.

Я глубоко вздохнула, затем еще раз быстро оглянулась. За спиной никого не было.

Я снова посмотрела на монитор, в котором все так же отчетливо отражалось мое лицо. Он был совсем близко. Я подавила в себе страх – всему этому должно быть какое-то рациональное объяснение. Я закрыла глаза, чтобы успокоиться, а когда открыла их вновь, он по-прежнему оставался рядом, но его прекрасные черты были искажены тревогой. Я посмотрела на него, и он опять улыбнулся, кротко, с надеждой, и я почувствовала, как у меня защемило сердце.

Я быстро огляделась по сторонам. В библиотеке стояла тишина, нарушаемая только шелестом переворачиваемых страниц и стуком клавиатур. Мир продолжал жить своей обычной жизнью. А передо мной разворачивалось что-то странное и сверхъестественное.

Я еще раз глубоко вздохнула и попыталась подыскать всему этому какое-то разумное объяснение. В привидения я не верила, так что этот вариант можно отмести сразу. Кто-то из другого измерения? Это вообще глупость. Какой-то фокус или трюк? Джош обожал использовать всякие суперсовременные гаджеты, чтоб разыграть меня, но в его распоряжении не было такой технологии, которая могла бы сотворить то, что я видела сейчас. Галлюцинации? Это единственное объяснение, которое имело хоть какой-то смысл, даже если оно означало, что я теряю рассудок. Что ж, по крайней мере, я сумела наглючить себе на редкость качественного парня из девичьих фантазий. При этой мысли я иронически улыбнулась.

Когда я улыбнулась, его лицо просияло: теперь оно выражало не тревогу, а что-то очень похожее на радость и еще, быть может, облегчение. Его прекрасные глаза сощурились, и в них заиграли золотые искорки. Как же моему воображению удалось создать образ такого эффектного парня?

Это был абсурд. Я снова закрыла глаза, вырвавшись из плена этого притягательного взгляда. Не может быть, чтобы я сходила с ума.

Я вспомнила. Все это началось вчера, когда я надела на запястье браслет. И этот браслет был на мне, когда я впервые увидела его лицо. И сегодня браслет по-прежнему на мне. Но каким образом мне удалось вызвать это прекрасное видение из ювелирного украшения? Эта мысль заставила меня посмотреть на браслет, голубой камень лениво мерцал в лучах летнего солнца.

Я снова посмотрела на лицо парня и увидела, что он тоже разглядывает мой браслет, чуть заметно наморщив лоб. Он поднял руку, и я вновь увидела на его запястье точно такой же браслет. Несмотря на свою массивность, на мускулистом предплечье украшение казалось хрупким. Рука потянулась к тяжелому серебряному ободку на моем собственном, более тонком запястье. Схожу ли я с ума или же все дело в странном воздействии, которое оказывает на меня эта штука?

Недолго думая я сорвала браслет с руки. И тотчас же его лицо на мониторе замерцало и исчезло. Я снова сидела за компьютером одна.

Я задохнулась от неожиданности и огляделась по сторонам. В библиотеке ничего не изменилось. Вокруг меня по-прежнему раздавались тихие звуки: шелест переворачиваемых страниц и стук клавиатур. Я приказала себе не поддаваться панике. Что же со мной происходит?

Я посмотрела на лежащий на столе браслет. Как же он все это проделал?

Я начала поворачиваться и так и этак – пыталась досконально разглядеть его, не притрагиваясь к нему и радуясь тому, что сижу в очень укромном уголке библиотеки. Браслет лежал на солнце, я рассматривала его с разных сторон, и крапинки в голубом опале вспыхивали красным и желтым светом. Красивый камень, но это, конечно же, все? Каким образом ювелирное украшение, кажущееся таким красивым и безобидным, может творить странные, сверхъестественные вещи? Я вдруг осознала, что мое сердце колотится в бешеном ритме, и попыталась расслабиться и притормозить. Но меня сразу же неудержимо потянуло снова испытать силу браслета. Я глубоко вздохнула, медленно придвинула кончик пальца к украшению и коснулась еще теплого ободка.

Камень потемнел, как будто по нему, поднявшись изнутри, прошла тень. Я убрала палец, и движение прекратилось. Я снова притронулась к браслету и

сомкнула пальцы вокруг ободка. По камню вновь прокатилась тень, и внезапно за моей спиной опять появился он, ясно отражаясь на мониторе. Его лицо было искажено смятением и паникой. Это странно – с чего ему-то паниковать?

Я снова убрала руку от браслета, и он снова тотчас исчез. Я увидела, что у меня трясутся руки, и, глубоко вздохнув, крепко взялась за края стола и села прямо на своем стуле. Со мной творилось что-то несусветное. Я словно проводила эксперимент по изучению паранормального явления с использованием антикварного ювелирного украшения. Возможно, мне сейчас следует находиться не в библиотеке, а в кабинете физики, где мисс Дили и ее приборы могли бы зафиксировать происходящее. Внезапно какой-то части моего существа захотелось посмеяться над всем этим абсурдом, но одновременно куда большая часть моего сознания пыталась отбиться от накатывающей на нее волны страха. «Соберись!» – строго приказала я себе. Я должна постараться не паниковать; истерика делу не поможет. Я совершенно однозначно не должна делиться всем этим ни с кем, даже с Грейс. Да и как бы я вообще смогла это объяснить? Все это слишком чудно, и прежде всего мне нужно будет самой разобраться, что к чему.

Первым делом мне надо уйти из библиотеки. Я не могла рисковать – чего доброго, я учиню здесь нечто такое, из-за чего сюда опять ворвется мисс Нил и влепит мне наказание, приказав остаться в школе после уроков. Нет, надо будет заняться всем этим дома.

К счастью, вскоре зазвенел заключительный звонок, и я помчалась к автобусам. Голова моя шла кругом. В библиотеке я подцепила браслет с помощью карандаша и надежно упрятала в рюкзак, так и не решившись дотронуться до него еще раз. Я почти чувствовала, как он лежит там и ждет. Но каким бы странным и сверхъестественным все ни было, мне это отчего-то не казалось таким уж грозным. Да, это пугало, но только потому, что было необъяснимо. Я не видела, что тут может быть опасного, и чем дольше я об этом думала, тем яснее осознавала: самым сильным из всех моих чувств по этому поводу является радостное возбуждение. Мне не терпится поскорее добраться до дому, чтобы проверить на практике мои теории. Мне даже почти удалось убедить себя в том, что я просто хочу осуществить их проверку и что главное мое побуждение состоит вовсе не в том, чтобы увидеть парня опять.

Вместе со мной в автобусе ехала и Грейс, но у меня не было ни малейшего желания разговаривать с ней о том, что случилось со мной сегодня, или обсуждать наши дальнейшие возможные шаги в отношении Роба или Джека. Я

понимала, если она начнет задавать мне вопросы по поводу того, что же именно произошло со мной в соборе Святого Павла, у меня не получится придумать по-настоящему убедительную ложь, а рассказывать ей правду я не готова. А кроме того, мне надо хорошенько все обдумать, потому что моя голова полна идей насчет того, что именно мне теперь делать, и каждую из этих идей нужно обмозговать.

– Яневажно себя чувствую, – объяснила я Грейс, испытывая чувство вины. – У меня болит голова. Наверное, я съела что-то не то.

На лице Грейс отразилось беспокойство, но она поняла мой намек и не стала на меня давить. Автобус был полон гула голосов, но мне удалось абстрагироваться от него и рассмотреть все возможные варианты. Как оказалось, объяснений всему происходящему могло быть только три, причем некоторые были более вероятны, чем остальные. Во-первых, это могли быть проделки Джоша, но я была уверена, что такие подвиги ему не по плечу, так что этот вариант вообще не стоил рассмотрения. Во-вторых, дело могло быть в проекции, производимой браслетом. И в-третьих, не исключено, что я схожу с ума и у меня галлюцинации. Наилучшим сценарием была проекция от браслета, но меня также не переставала глотать мысль о том, что я все-таки схожу с ума.

Когда мы с Джошем приехали домой, мамы и папы там не оказалось. Мне надо было удостовериться, что Джош не станет меня беспокоить, так что я обрадовалась, увидев, как он достает из холодильника огромную кучу еды. Значит, какое-то время он будет занят, подумала я и взбежала по лестнице на второй этаж.

В моей маленькой комнатке царил полный разгром после нашей совместной ночевки с Грейс, но я не стала обращать на это внимания, а просто отпихнула весь скопившийся на столе хлам в одну сторону, чтобы освободить место для дела. Затем, подойдя к двери, прислушалась – было слышно, как в кухне, у Джоша, работает телевизор, значит, он меня не побеспокоит. Тщательно закрыв дверь, я снова повернулась лицом к столу, чувствуя, как гулко колотится мое сердце.

Рюкзак лежал на столе, и в нем меня ждал браслет. Я подумала о том, что мне может понадобиться. Настольная лампа светила довольно ярко, но отражательная способность экрана ноутбука была невелика. Так что я сняла со стены зеркало и наклонно установила его на столе. Затем достала мобильник и

набрала номер Джоша. Теперь, если понадобится помощь, мне достаточно будет просто нажать на зеленую кнопку, рассудила я.

Едва сдерживая нетерпение, я взяла в руки рюкзак. Потом с помощью карандаша выудила из него браслет и положила его на стол. Он лежал, блестя в свете лампы, и, глядя на него, я почувствовала, что мое сердце забилося еще чаще. Теперь я ясно понимала: радостное волнение связано отнюдь не только со странным экспериментом, который я собираюсь воспроизвести, то есть не только с ним как таковым. Меня прежде всего воодушевляла мысль о том, что сейчас я снова увижу его лицо. Какими бы ни были последствия, мне хотелось вновь получить возможность разглядеть его как следует. Еще раз увидеть его улыбку. И я нерешительно протянула руку к браслету.

Его лицо появилось в зеркале, едва я только сжала пальцами серебряный ободок. Он находился прямо за моим правым плечом, и вид у него был такой, словно он собирается шепнуть мне что-то на ухо. При этой мысли у меня замерло сердце. Его глаза, такие голубые, что, по идее, должны были бы казаться холодными и грозными, вместо этого выглядели невероятно притягательно. В зеркале его отражение было куда ярче и четче, чем на мониторе компьютера в библиотеке. Я ясно видела его гладкую загорелую кожу, игру света в волосах, видела, как начинают изгибаться в улыбке его губы.

Крепко сжимая в одной руке браслет, а в другой держа мобильник, я повернулась, чтобы проверить, не стоит ли он у меня за спиной. Никого. Он по-прежнему был виден только в зеркале. Я никак не могла взять этого в толк – по законам физики это невозможно. Но он был здесь, передо мной, опять кротко улыбался, почти так, словно читал противоречивые мысли, проносящиеся в моей голове.

Словно он мог читать мои мысли.

Я выронила браслет, будто он ударил меня током, и его лицо тотчас исчезло. Может ли он читать мысли? Когда я подумала, что это правда, мои щеки вспыхнули. О чем же именно я думала?

Я глубоко вздохнула. «Перестань, – строго сказала я самой себе. – Просто закончи проверку». И вообще, не все ли равно, может ли странное отражение читать мысли или нет? Ведь этот парень не настоящий. Я опять посмотрела на

браслет. Я была совершенно уверена, что Джош тут ни при чем, так что у меня оставалось только два варианта: либо видимый мною образ проецирует браслет, либо я сошла с ума. Разглядывая голубой камень, я посмотрела на него со всех сторон. Невозможно, чтобы он мог производить какую-то мощност. В нем не было места даже для крошечной батарейки, так что вряд ли он может проецировать картинку. Проверить это реально только одним способом, решила я: поместить браслет во что-то с толстыми стенками и попробовать еще раз. Я быстро порылась в куче хлама в углу комнаты и достала оттуда старую металлическую копилку. Я высыпала ее содержимое на кровать и поставила на стол.

Снова сев за стол, я повернула копилку так, чтобы ее крышка открывалась в направлении от меня, затем осторожно подцепила браслет карандашом и уложила его внутрь. На мгновение я зажмурила глаза, чувствуя, как по спине стекает капелька пота. Это было хуже экзаменов. Медленно-медленно я сунула руку внутрь копилки и крепко сжала браслет.

И в зеркале тотчас же снова отразилось его лицо. Значит, это не проекция. Я вдруг осознала, что у него ужасно расстроенный вид. Мое сердце снова защемило при мысли о том, что я его чем-то огорчаю. Но внезапно он, похоже, понял, что я снова могу все видеть, и его лицо расплылось в широкой улыбке, полной облегчения. Меня вновь поразила его красота. Каждый раз, когда я смотрела на него вновь, он казался мне еще более безупречным. Его высокие, прямые скулы придавали ему аристократический вид, а губы... При взгляде на его губы я тихонько вздохнула. Изогнутые в этой притягательной улыбке, они казались строгими и в то же время мягкими.

Я оглядела остальную часть его отражения. На нем была свободная хлопчатобумажная рубашка с расстегнутым воротом, в котором виднелись горло и верхняя часть груди, и тяжелый черный плащ, похожий на накидку с капюшоном, завязанную на шее толстым шнуром. Капюшон плаща был откинут назад, и я видела, какие крепкие и мускулистые у него шея и плечи. Если он был просто плодом моей фантазии, то она, по крайней мере, поработала на славу.

Пока я продолжала осмотр, он продолжал наблюдать за мной, все так же улыбаясь, а когда осмотр был завершен, он вопросительно поднял бровь. Мне оставалось сделать только одно – улыбнуться в ответ и смущенно покраснеть.

Итак, теперь я исключила все варианты, кроме одного, самого пугающего, который означал, что я схожу с ума. Чем дольше я смотрела на него и думала о том, что сделала, тем менее вероятным казалось мне и это объяснение.

Но, возможно, существует и другое. Я никогда не верила в привидения и теперь, думая об этом, вдруг ясно осознала, что прежде не верила вообще ни во что находящееся за пределами разума и не поддающееся проверке опытным путем. Но я это проверила, и моя проверка доказала: есть что-то – или кто-то, что невозможно объяснить ничем из того, что я знаю или понимаю. Когда я представила себе те возможности, которые это открывало, меня снова пробрала вызванная страхом дрожь. Может быть, он и впрямь призрак, или из другого измерения, или даже с другой планеты: внезапно все эти нелепые предположения превратились во вполне реальные возможности.

От страха к горлу подступила тошнота. Что же мне теперь делать?

Должно быть, выражение моего лица заметно изменилось, потому что и на его лице улыбку сменила тревога. Значит, что бы он собой ни представлял, ему не чуждо сострадание. Я сделала несколько неглубоких вдохов и выдохов, чтобы унять тошноту. У меня накопилось столько вопросов, и надо уже было начинать каким-то образом их задавать. С чего бы начать? И я решила попробовать начать с чтения мыслей.

Я села прямо, посмотрела ему в глаза и внутренне прокричала: КТО ТЫ? В выражении его лица ничего не изменилось. Я попробовала еще раз. ЧЕГО ТЫ ХОЧЕШЬ? Опять ничего.

Что ж, подумала я, хоть это и не совсем научно, но поскольку других способов проверки в моем распоряжении нет, сойдет и этот. Он не может читать мысли.

Кисть начинала сводить судорога, и я вдруг осознала, что все еще держу браслет, не вынимая руки из копилки. Чувствуя себя кем-то вроде идиотки, я извлекла его оттуда и какое-то время смотрела на него. Переведя взгляд на парня, я увидела, что и он уставился на свой браслет, плотно охватывающий левое запястье. И мне показалось, что я вижу в его глазах какое-то странное чувство: было похоже, что он ненавидит эту штуку. Я наблюдала за ним, чувствуя, как мой страх отступает; кем бы он ни был, мне это уже все равно: мне просто хотелось иметь возможность видеть его.

Я поерзала на стуле, и на секунду мои пальцы почти отпустили браслет. Мужской образ затуманился, замерцал, и я увидела на его лице новое выражение – умоляющее. Он затряс головой и его губы беззвучно сказали: Нет! Пожалуйста, не уходи! Я не умела читать по губам, но эти слова было нетрудно расшифровать. Осознав, что сделала, я сжала браслет крепче, и его отражение снова стало четким.

Похоже, ему хотелось смотреть на меня ничуть не меньше, чем мне на него. Но казалось, что он видит меня не так ясно, как вижу его я. И я решила использовать свой браслет по полной программе и со смущенной улыбкой вновь надела его на запястье.

Было видно, как все его тело расслабилось, из плеч ушло напряжение, а лицо расплылось в широкой веселой улыбке. Спасибо, беззвучно произнес он, и его нежные, кроткие глаза встретились с моими. Я смотрела на него как замороженная и, не в силах удержаться от искушения, протянула руку, чтобы коснуться. Его образ в зеркале был так отчетлив, он находился всего в нескольких дюймах от моего плеча, а рука парня была так близко от моей руки, лежащей на столе. Я увидела, как на нашем отражении моя ладонь прошла сквозь его предплечье.

– Кто ты? – прошептала я.

Он, казалось, на секунду задумался, затем начал отвечать. Но я не могла разобрать слов по губам и покачала головой. У меня не получалось понять ничего из того, что он пытался сказать. Он попробовал еще раз, медленнее, и я так сосредоточила свое внимание, что от внезапно раздавшегося звона колокольчика вздрогнула всем телом.

Я огляделась по сторонам с таким чувством, будто меня только что пробудили от сновидения. Моя комната была такой же, как и всегда, обычной, заурядной, но теперь ее озаряло нечто чудесное. Нужды реальной жизни казались мне сейчас не играющими особой роли. Звук старого школьного колокольчика означал, что настало время ужина, однако мне это было совершенно неинтересно. Колокольчик зазвенел опять, и я тяжело вздохнула.

– Мне надо ненадолго спуститься на первый этаж. Ты подождешь? – У меня даже не мелькнула мысль, что это глупо – разговаривать с отражением. Он улыбнулся

и кивнул.

Подожду. По крайней мере, это слово легко прочесть по губам, подумала я.

Я улыбнулась в ответ, затем вскочила на ноги и побежала на первый этаж. От мыслей о том, что может повлечь за собой то, что сейчас произошло, у меня голова шла кругом.

Ожидание

Ужин показался мне бесконечным. Оба родителя вернулись домой, и чтобы побаловать членов семьи, мама заказала в индийском ресторане карри навынос. Это было мое самое любимое блюдо, и поскольку оно уже стояло на столе, меня не позвали на кухню раньше, чтобы помочь готовить ужин. Но сегодня мне совершенно не хотелось есть цыпленка «тикка масала», и большую часть своей порции я оставила на тарелке, возя ее по дну вилок и пытаюсь придумать какой-нибудь предлог, чтобы вернуться к себе.

И отец, и мать жаждали услышать мой рассказ о том, как у меня прошел последний экзамен. Вчера мы с Грейс явились так поздно, что времени на какие-либо разговоры просто не было. Сегодня днем Джош тоже сдавал какой-то экзамен, поэтому последовала долгая беседа, во время которой наши родители пытались выяснить, насколько хорошо, по его мнению, он ответил на экзаменационные вопросы. Я старалась не слишком заметно ерзать на стуле. Я понятия не имела, насколько долго может продлиться странное явление в моей комнате, и не хотела торчать на кухне ни минуты дольше.

Наконец Джош смог выбраться из-за стола, сказав, что ему нужно делать домашнее задание, но наши родители знали, что мне больше не надо заниматься повторением пройденного материала, так что мне не удалось отделаться от них так легко. Маме особенно хотелось узнать, как у меня продвигается работа над заданием по изобразительному искусству, но пока она все задавала и задавала вопросы, я думала только об одном: как поскорее вернуться в свою комнату.

Я уже подходила к лестнице, когда кто-то постучал в парадную дверь.

– Открой, Алекс, – сказала мама. – Это сюрприз. – Что же она придумала на этот раз? Я открыла дверь и увидела одну из наших соседок с ее новым щенком-лабрадором. Мама знала, что мне жутко хотелось посмотреть на щенка, и устроила все это, чтобы доставить мне удовольствие. Я едва могла поверить, что мне так не повезло и соседка со щенком явилась в такое неудачное время.

Я сказала, что мне надо на минутку вернуться к себе, и бросилась по лестнице в комнату. Из-за двери комнаты Джоша в другом конце коридора слышалась громкая музыка, перемежаемая время от времени взрывами смеха. Он явно смотрел по Интернету видеоролики, показывающие, как люди падают с различных предметов и получают увечья. Так что было совсем не похоже, что мой братец упорно работает над тем, что ему задали. Будем надеяться, что из-за всего этого шума он меня не услышит.

Я проскользнула в комнату и села за стол, не обращая внимания ни на загромождающий его хлам, ни на оставленный мною и Грейс разгром. Я посмотрела в зеркало, поглаживая браслет на руке. Он по-прежнему был здесь, прямо за моим плечом, и на лице его играла довольная улыбка. Затем она сменилась озабоченностью, когда он увидел мои огорчение и досаду.

– Сейчас я не могу здесь оставаться. Мне надо быть вместе с родителями внизу. У нас гостья, – объяснила я.

Похоже, он отнесся к делу философски. Завтра, беззвучно произнес он.

– Нет! – крикнула я, наверное, слишком громко. – Я освобожусь через час, – добавила я уже шепотом.

Он покачал головой и посмотрел на браслет так, словно это были часы. Завтра, повторил он.

Музыка в комнате Джоша смолкла, и я услышала, как он идет по коридору к моей двери.

– Алекс! – крикнул он. – У тебя все нормально?

Лицо в зеркале в последний раз улыбнулось своей ослепительной улыбкой и исчезло, когда Джош приоткрыл дверь и просунул голову в образовавшуюся щель.

– В чем дело, Коротышка? О чем ты здесь орала?

– Ни о чем, – прошипела я в ярости, повернувшись к зеркалу спиной. – Просто отстань. – Он с озадаченным видом удалился. Я снова села перед зеркалом, но парень из грез исчез без следа. Я снова была одна.

– Черт, – пробормотала я. – Тогда не остается ничего, кроме как познакомиться со щенком. – Еще раз бросив взгляд на зеркало, я выключила свет и направилась вниз.

Прошел примерно час, прежде чем мне удалось наконец вернуться к себе. Не в моих привычках рано ложиться спать, но я отговорилась тем, что устала после экзаменов. Вернувшись в комнату, я плотно закрыла дверь и опять уселась перед зеркалом. Браслет по-прежнему был на мне, и я энергично потерла камень на тот случай, если это могло что-то изменить. Раз или два мне показалось, что в мерцающей глубине камня появилась тень, но в моей голове так и не возникло слепящее видение, и его фигура так и не появилась за спиной. Он не шутил, сказав, что придет только завтра.

Я сняла браслет, чтобы рассмотреть его более детально. От него на моем запястье и на краю манжеты блузки остались круговые черные следы. Раз уж сегодня я его больше не увижу, решила я, можно воспользоваться случаем и по-настоящему тщательно почистить браслет.

Все чистящие средства хранились под мойкой в кухне. Я знала, что у нас имеется средство для чистки серебра, поскольку видела, как им пользуется мама, но я понятия не имела ни как его надо применять, ни как оно выглядит.

Я присела у мойки и начала перебирать бутылочки, стоящие на полке, вытаскивая их одну за другой, пока в самой глубине не увидела небольшую металлическую банку и не поняла, что именно она мне и нужна. Я поискала еще, нашла подходящую тряпку и начала ставить бутылки обратно на полку. Я уже почти закончила, когда в кухню зашла мама.

– Алекс, что ты тут делаешь? Я думала, ты легла спать.

– Я искала средство для чистки серебра, – ответила я, быстро рассчитав, что от правды вреда не будет. – Я решила, что мне все-таки еще не хочется спать, захотелось заняться каким-нибудь успокаивающим делом. У меня есть несколько вещей, которые загрязнились и оставляют на одежде черные следы.

– Жаль, что ты не подумала об этом раньше. У меня тоже есть несколько серебряных украшений, которые не мешало бы почистить, и поскольку ты как раз расположена... – Тут она осеклась, поняв по моему лицу, что я вряд ли положительно отреагирую на ее предложение. – Ну ладно, неважно, только смотри не разводи грязь.

– Все будет нормально, мама, – поспешно пообещала я. – У меня в комнате есть старые газеты, которые я подстелю, когда буду работать. Спокойной ночи.

Целуя меня на ночь, она немного хмурилась, каким-то образом чуя, что что-то не так.

– Спокойной ночи, солнышко, увидимся утром. Смотри не просиди всю ночь, играя с этой штукой.

Вернувшись к себе, я расстелила на письменном столе старую газету и прочитала инструкции на банке со средством. Похоже, в чистке серебра нет ничего сложного, решила я. Банка была полна чего-то, более всего похожего на вату, и эта вата оказалась пропитана чистящим веществом, так что мне было достаточно оторвать кусок и начать чистить серебряный ободок. Вата быстро почернела, а серебро сделалось более блестящим. Я чистила браслет по-настоящему тщательно, не забывая ни об одном желобке или щелке. Наконец, взяв сухую тряпицу, я убрала с его поверхности остатки чистящего средства. Под настольной лампой серебро сияло теплым блеском, и теперь я наконец могла разглядеть браслет во всей красе. Он имел форму буквы «С» и поэтому мог сидеть на запястье надежно без помощи каких-либо застежек. Камень имел овальную форму, был размером с последнюю фалангу моего большого пальца и крепился с помощью оправы из крохотных серебряных жгутиков, оплетающей его со всех сторон. Справа и слева от камня жгутики сливались вместе, образуя остальную часть браслета – ободок. Эти серебряные жгутики просто изумительны, и каждый из них был необычайно тонко изукрашен. Я быстро

порылась в глубине выдвижного ящика письменного стола и отыскала увеличительное стекло, которое много лет назад мама и папа конфисковали у Джоша, чтобы он и его приятели перестали все поджигать, и которое я быстренько у них реквизировала, решив, что такую вещицу можно будет использовать для мелкой починки серег.

Я подрегулировала свет лампы, чтобы сделать его ярче, и начала разглядывать оправу через увеличительное стекло. Каждый серебряный жгут был выполнен необыкновенно искусно, как и настоящий большой жгут, однако составляющие его нити были крошечными. И каждый из этих жгутиков чуть отличался от остальных. Перевернув ободок, я обнаружила, что камень вовсе не прикреплен к серебряной оправе: жгутики образовывали вокруг него что-то вроде клетки, так что он не мог выпасть, но мог немного вращаться внутри.

Справа и слева от камня жгутики переплетались, образуя ободок, ширина которого примерно равнялась длине камня, и снаружи этот ободок оказался, как ни странно, шершав. Он выглядел так, будто тонкие жгутики расплющили молотком и вмятины от его ударов все еще были видны. Интересно, зачем изготавливать ювелирное украшение, которое в одном месте будет таким изящным, а другом – таким грубым? Это явно не имело смысла.

Теперь, когда серебро было очищено, камень в оправе засиял сумрачным блеском, слегка вращаясь в серебряной клетке. Из-за того, что он мог двигаться, таящийся в нем огонь сделался еще ярче, а великолепные переливающиеся цвета его поверхности играли на свету. И хотя по большей части он был голубым, в нем угадывались и едва уловимые оттенки ярко-зеленого и виднелись красные, розовые и золотые крапинки.

Внутренняя часть ободка браслета была теперь тоже чиста, и на мгновение я ощутила волнение, подумав, что вижу там гравировку, но чем больше я приглядывалась, щуря глаза, тем больше это походило просто на тени на серебре там, где жгутики были спаяны вместе. Я так и не смогла ничего разобрать. Грейс права – пробы на серебре не было, как не было и никаких зацепок, указывающих на мастера, который изготовил браслет, или того или ту, кому он когда-то принадлежал.

Закончив разглядывать ободок изнутри, я снова осторожно положила браслет на стол и всмотрелась в него еще раз. Каким же образом такая красивая и безобидная на вид вещица вызвала к жизни столь странное видение? Я

представила себе его лицо, поначалу исполненное гнева, а затем умиротворенное. Откуда он? У меня было так много вопросов и никакой возможности получить на них ответы. Я вздохнула и начала готовиться ко сну. Хотя браслет теперь чист, зато я была грязна как чушка – все мои руки до локтей и даже выше оказались перемазаны средством для чистки серебра, а также черной грязью, которую я счистила с браслета. Мою блузку тоже придется ох как долго приводить в божеский вид. Я схватила пижаму и направилась в ванную комнату, где спрятала блузку на самом дне корзины для грязной одежды.

На следующее утро, приняв душ, я надела на запястье вычищенный браслет и с надеждой посмотрела в зеркало. Хотя я ничего не увидела, мое сердце забилось чаще при мысли о том, что еще несколько часов, и я...

Сегодня мне предстояло учиться водить автомобиль, так что вместо того, чтобы сесть в автобус, я отправилась в школу на «мини», которую вел Джош. Обычно уроки вождения проходили в обеденные часы, когда движение становилось менее интенсивным. По дороге в школу и из школы я не могла совершенствовать свои навыки, поскольку Джош получил водительские права недавно и еще не имел права надзирать за тем, как машину веду я. Он был этим чрезвычайно раздосадован, поскольку ему очень хотелось иметь возможность командовать мною официально, я же испытывала по этому поводу немалое облегчение. Так что в те дни, когда у меня были уроки вождения, он отвозил меня в школу на своей машине и парковал ее у школы.

Он любил проезжать мимо девушек из нашей школы, а затем небрежной походкой идти в свою, держа в длинных пальцах ключи от машины, размахивая ими и звеня. Лишь у очень немногих одноклассников имелись машины, так что это очень и очень поднимало его самооценку. К счастью, большинство знакомых брата никогда в глаза не видели его машины.

Машина выглядела неважно – старая, помятая и к тому же выкрашенная в омерзительный желтый цвет. Мама отказалась покупать нам двоим хоть сколько-нибудь дорогую машину, и сумма страховки за нее уже далеко превысила стоимость самого драндулета. Она пообещала, что, когда у нас обоих появятся водительские права, она включит нас в страховку ее собственной машины, но в связи с этим я не питала особых надежд. А пока что я старательно закрашивала желтизну машины абстрактными картинками, состоящими из не сочетающихся друг с другом цветов; у этих картинок было еще и то

преимущество, что они злили Джоша.

Считалось, что это наша общая машина, поскольку родители покупали ее для нас обоих, но пока я не сдам экзамен и не получу водительские права, мне не отвязаться от Джека с его привычкой задирать нос. Он сдал экзамен с первого раза, у меня же дела шли куда хуже. Моя техника вождения была не так уж плоха, но, к сожалению, у меня имелась невольная склонность к превышению скорости. Так что я еще даже не подала заявления на сдачу практической части экзамена, и инструкторша пока не говорила мне, что я готова успешно его сдать.

Джош, как всегда, был готов задолго до того, как надо было выходить из дому, в то время как я все еще копалась, пытаюсь разыскать все, что может понадобиться в этот день. Он начал нетерпеливо барабанить пальцами по кухонному столу.

– Перестань копать, Алекс, ну что еще тебе надо собрать? Если бы у меня был утром экзамен, я бы уже плюнул на тебя и уехал один. – Я по опыту знала, что это не пустая угроза. Однажды утром он уже уехал, бросив меня, когда моя спортивная форма куда-то подевалась и я никак не могла ее разыскать. Так что теперь я быстро схватила сумку и направилась к двери.

– Я готова, – пробормотала я, жуя последнюю порцию тоста и натягивая джемпер.

– Давно пора, – сказал он. – Ты вообще не понимаешь, когда что-то надо делать срочно, – посетовал он, садясь в машину. – В один прекрасный день из-за своей медлительности точно пропустишь что-нибудь по-настоящему важное.

– Ты говоришь совсем как наша мама, – заявила я, зная по опыту, что это сравнение быстро отобьет у него охоту и дальше зудеть на эту тему.

На дорогах, как всегда, было полно машин, но больших пробок не предвиделось, так что мы приехали вовремя.

– Вот видишь, – торжествуя, сказала я, когда мы въехали в ворота школы, – на самом деле не было никакой необходимости так спешить.

Лучше бы я промолчала: Джош объехал парковку дважды, прежде чем найти парковочное место, затем, не слушая возражений, втиснул «мини» в крошечный угол. Я совершенно не представляла, как сумею вывести ее из этого тесного пространства, когда начнется занятие по вождению.

– Тебе надо потренироваться в выезде из сложных парковочных мест, – засмеялся Джош, вытаскивая из багажника рюкзак. – А у этого местечка есть еще и то преимущество, что здесь никто не может увидеть твою сомнительную мазню.

– Ты такой козел, – мрачно сказала я, надеясь, что мне удастся уговорить инструкторшу по вождению, мисс МакКейб, вывести машину из этого угла вместо меня.

– Ключи-то не забыла?

Я быстро порылась в своем рюкзаке.

– Ага. Все путем. Жду тебя на этом месте в начале пятого.

Он махнул рукой в знак согласия и рысцой направился к воротам, расположенным ближе всего к игровым полям его школы, где как раз сейчас, как всегда ранним утром, шла неспешная игра в футбол.

Я вытащила из машины сумки, тщательно ее заперла и медленно побрела к школе. Трудно поверить, что столько всего сверхъестественного произошло всего за двадцать четыре часа. Я чуть слышно вздохнула, с надеждой посмотрев на браслет. Парень обещал вернуться сегодня, так что он может появиться в любом зеркале, мимо которого я буду проходить. Я улыбалась, думая об этом, когда вошла в класс как раз вовремя, чтобы зарегистрироваться.

Сегодняшние послеэкзаменационные занятия были довольно скучными и больше походили на обычные уроки. Я провела половину утреннего времени, пытаюсь увидеть свое отражение во всех оконных стеклах и компьютерных мониторах, которые попадались мне на пути, в надежде узреть рядом его, а вторую половину времени потратила на то, чтобы вглядываться в камень, тщась разглядеть в нем какое-нибудь таинственное движение. Но глубины камня упорно оставались неподвижны, и чем дольше я на него смотрела, тем

медленнее тянулось утро.

Наконец пришел полдень, и я, купив в буфете сэндвич, который съем потом, пошла в учительскую, чтобы дождаться мисс МакКейб. Она была учительницей-практиканткой и имела также квалификацию инструктора по вождению, так что в обеденное время мы могли пользоваться ее услугами, если у нас уже имелись собственные машины. Эти услуги обходились значительно дешевле, чем плата в обычных автошколах, к тому же, поскольку никаких школьных предметов она мне не преподавала, я могла не смущаться.

К счастью, машина, стоявшая утром рядом с «мини», уехала, так что с парковки я смогла выехать без труда, а затем под руководством мисс МакКейб проехала по Твикенхему и мосту через реку доехала до Кью. Здесь мы наконец нашли тихое местечко, где можно было вволю попрактиковаться в поворотах на заднем ходу, затем вернулись на магистраль. Это была четырехрядная автострада с ограничением скорости в 40 миль в час, и мне всегда приходилось очень стараться, чтобы не выходить за пределы этого лимита. Но сегодня все шло хорошо, и мисс МакКейб сделала мне всего лишь несколько замечаний, когда я чересчур увлеченно проходила повороты вокруг кольцевых транспортных развязок, находящихся неподалеку от школы.

Когда я вернулась на школьную парковку, места там было еще больше, и я смогла припарковаться без труда. МакКейб всегда заканчивала наш урок напутственным словом, так что теперь я сидела и ждала.

– Неплохо, Алекс, – сказала она с таким видом, словно говорит это скрепя сердце. – Но вам по-прежнему надо обращать больше внимания на скорость. Ведь если вы превысите разрешенную скорость и на экзамене, то однозначно провалите его.

– Да, я понимаю. Все дело в том, что я начинаю получать удовольствие от езды и забываю обо всем.

– В общем, если вы сможете заставить себя ехать без превышения, у вас получится подать заявку на сдачу экзамена. Все остальные ваши навыки достаточно хороши.

Я была в восторге. Если мне удастся сдать экзамен на права быстро, то я смогу пользоваться машиной во время летних каникул и не буду зависеть в своих передвижениях ни от Джоша, ни от родителей. Когда мы вернулись в школу, мисс МакКейб дала мне бланк заявления и сказала, чтобы я заполнила его как можно скорее. Если повезет, можно будет начать считать, сколько уроков вождения мне еще осталось до того, как я смогу сдать экзамен на права.

Я побежала в зал отдыха для шестого класса в отличнейшем настроении, одновременно пытаюсь выудить из сумки мобильник. Несколько пропущенных вызовов – похоже, кто-то очень хотел до меня дозвониться. Вообще-то в школе нам не разрешалось говорить по мобильным телефонам, но я все-таки быстро набрала службу голосовой почты. И услышала голос Роба – длинное бессвязное сообщение по поводу субботнего ужина. Судя по его тону, он начинал подозревать, что я пытаюсь набить себе цену. Как парадоксально, если учесть, что я теперь действительно была далеко не уверена, что он мне нужен. Он пообещал перезвонить позднее, и я выключила телефон еще до того, как его голос в трубке закончил говорить. Идя по длинному коридору мимо входа в актовый зал, я удивлялась своей реакции. Среди парней из нашей компании Роб однозначно считался альфа-самцом, однако с того вечера в Ричмонде я ни разу о нем не подумала. Улыбку у меня вызывало совсем другое лицо – то, которое я видела в зеркале рядом со своим. Одна мысль о нем вызывала у меня сердечный трепет.

В общем зале сидело несколько десятков девушек, отдыхающих перед тем, как отправиться на послеобеденные занятия. Грейс и остальные девчонки спрятались в нашем всегдашнем уголке и, увидев меня, подвинулись, чтобы освободить мне место.

– Итак, Роб, – растягивая слова, сказала Миа. – Давай выкладывай все.

Все стихли в ожидании. Я быстро оглядела собравшихся – Эшли среди них не было. Что ж, это радует – мне совсем не хотелось наблюдать за ее реакцией.

– Да мне в общем-то почти нечего рассказывать, – улыбнулась я Миа. – Он пригласил меня на субботний ужин, но я даже не знаю, куда именно он нас повезет. Похоже, он бьет копытом, – добавила я. – Сегодня он уже оставил мне кучу сообщений. – Я увидела, как Грейс одобрительно кивнула.

– Ух ты, ну и везет же тебе! Подумать только – Роб Андервуд! Он жутко шикарный, – воскликнула Элия.

Я понимала, что они ожидали увидеть куда больше энтузиазма с моей стороны, чем я испытывала на самом деле.

– Да, конечно. Было очень неожиданно, когда он сделал первый шаг в кино. Разумеется, это заслуга Грейс – она у нас мастерица преобразать людей, – попыталась я повернуть разговор в сторону подруги.

– Вздор! – фыркнула Грейс. – Это был только вопрос времени. Я просто немного подтолкнула естественный ход событий, только и всего. Но должна признаться, – подначила меня она, – тогда ты и впрямь выглядела весьма круто, если сравнивать с тем, как ты чаще всего одеваешься, когда идешь в школу. – С этими словами она показала на мои рваные джинсы и выцветшую футболку, а я постаралась сделать вид, что обижаюсь, но мы обе сразу же рассмеялись.

– Значит, он, по-твоему, настроен серьезно? – Миа явно не собиралась отклоняться в сторону от выбранной темы. Вероятно, это Эшли попросила ее выяснить, как обстоят дела.

– Наверяд ли. Я никогда не слышала, чтобы он в отношении кого-либо был настроен серьезно.

– Но ведь он пригласил на субботний ужин только тебя?

– Верно, но всего лишь в какой-то деревенский паб. Во всяком случае, я думаю, его план именно таков. – Я решила, что о его другом плане насчет поездки в Корнуолл лучше не говорить.

Я видела, что подруга собирается задать очередной вопрос, поэтому, когда прозвенел звонок на следующий урок, я испытала немалое облегчение.

– Пока, – улыбнулась я Миа, вскакивая с места и надеясь, что она не расценит мой уход как бегство. Я по-прежнему не могла взять в толк, почему реагирую так вяло. Почему я не испытываю большего воодушевления по поводу предстоящего свидания с сердцеедом, по которому сохнет вся школа? Всего два

дня назад я была бы счастлива сидеть с девчонками из нашей компании часами, анализируя каждое его слово и находя в каждом его действии какой-нибудь скрытый смысл. А теперь мне даже не хотелось слушать сообщения, которые он оставил.

Я не могла перестать думать о том, другом лице и бросила быстрый взгляд на окно, мимо которого проходила, надеясь увидеть там его, но он все никак не появлялся. Был ли он в каком-то смысле реальным? Или же все это плод моего воображения? Мое сердце заняло при мысли, что я, возможно, никогда больше его не увижу, и я тут же выбросила из головы эту дурацкую мысль: ведь он пообещал мне, что придет сегодня. Подумав об этом, я улыбнулась. Мне не терпелось поскорее снова увидеть его в зеркале.

День, казалось, тянулся бесконечно, но наконец мы все же освободились. Я ухитрилась избежать встречи с Грейс и остальными и побежала на парковку, где меня ждал Джош. Дома я быстро проскочила к себе наверх, отговорившись тем, что мне надо работать над заданием по изобразительному искусству. Прежде всего я бросилась в ванную, чтобы убедиться, что у меня более или менее презентабельный вид.

Я села за стол перед стоящим на нем зеркалом и крепко сжала браслет на запястье пальцами другой руки. Ничего не произошло. Я сняла браслет и тихонько потерла камень, вглядываясь в его глубины. Но сегодня в нем не было абсолютно ничего необычного. Никакой тени, никакой ряби и никакого лица за моим плечом. Я постаралась подавить чувство разочарования. Если парень вдруг появится, я не хотела, чтобы он увидел на моем лице отчаяние, но именно это чувство и владело мною сейчас.

Должно быть, я сидела перед зеркалом больше получаса, пытаюсь вызвать его. Если бы он действительно был только плодом моего воображения, подумала я, у меня бы не возникло подобных трудностей. Я смогла бы увидеть его сразу. Но если он действительно существует, если он каким-то сверхъестественным образом является чем-то реальным, значит, он, по всей видимости, не хочет приходить, иначе он уже был бы здесь, со мной.

Я продолжала все так же сидеть и изводить себя, пока не вспомнила, что, когда видела его в прошлый раз, было довольно поздно. Быть может, он вернется, когда после этого времени пройдет двадцать четыре часа? Часть моего сознания понимала, что я хватаюсь за соломинку, но я продолжала упорно надеяться.

Надо будет чем-то занять остающееся у меня время. Я раскинула мозгами – чем можно развлечься? И продолжала время от времени поглядывать на браслет – а вдруг? Вот именно, браслет – он сам по себе достаточно занимателен. Наверняка в Интернете есть что-то на этот счет.

Я поставила на стол ноутбук и сняла браслет. Он маняще блестел в свете галогеновой лампы. С чего же мне начать поиски? Я попробовала «старинные серебряные браслеты с опалами», но это не дало мне никакой полезной информации. Я перевернула браслет, чтобы еще раз взглянуть на странные тени на внутренней части его ободка, и на долю секунды, когда мой взгляд остановился на этом месте, мне показалось, что я вижу там слова. Ошеломленная, я пригляделась еще раз – и могла бы поклясться, что они вдруг расплылись и словно погрузились обратно в неровный металл. Может быть, из-за пристрастия к чтению допоздна мне и в самом деле уже нужны очки, как меня страшит мама? Я протерла глаза и вгляделась еще раз. Ничего.

Поиски какой-либо информации на этот счет в Интернете оказались куда сложнее, чем я ожидала. Может быть, стоит набрать «предметы антиквариата»? Я набрала эти слова и оказалась в мире, полном изображений диковинных антикварных вещей и плохо структурированных веб-сайтов. Должно быть, я потратила несколько часов, идя по этому следу. Некоторые из увиденных мною в Паутине браслетов были прекрасны, но ни один нисколько не походил на мой. Однако большинство исследованных веб-ресурсов, похоже, сходились на том, что браслет с таким большим и безупречным опалом и таким количеством серебра в ободке стоит кучу денег.

Почему же он оказался в реке? Он лежал очень глубоко в прибрежной грязи, так что кто бы ни бросил его в Темзу, прикрепив к большому камню, этот человек явно не рассчитывал, что его когда-либо найдут.

Я вздохнула. Я нисколько не продвинулась вперед – напротив, у меня появлялось все больше и больше вопросов. Однако, потянувшись, я благополучно истратила немало времени. Последний раз я видела его вчера примерно в этот же поздний час. Я снова надела браслет на запястье, опять почувствовала, как мне в нем комфортно. Потом на мгновение закрыла глаза и постаралась успокоиться, прежде чем повернуться и посмотреть в зеркало.

Там никого не было.

Разочарование было сокрушительным – как удар мощной волны, вышибившей из меня дух. Он обещал прийти, но не пришел. Я закрыла глаза и постаралась взять себя в руки. Как же получилось, что это стало для меня так важно? Я еще никогда не испытывала ничего подобного.

Сидя в комнате весь следующий час, я не могла думать ни о чем, кроме его прекрасного лица с этими пронзительными голубыми глазами и четко очерченными, волевыми и в то же время нежными губами. Я старалась не слишком много думать об этих губах и о том, что почувствовала бы, если бы они ласково прильнули к моим. Но воспоминание о его лице было обычным, неясным, совсем не таким, как яркое, слепящее видение той первой ночи; парня здесь не было, и я не могла придумать ничего, что могло бы это изменить. Я почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы – я пыталась справиться с утратой того, чего у меня никогда и не было.

Свидание

Наутро, проснувшись, я ощутила обычную беспечность, но это продлилось лишь несколько секунд, а потом на меня нахлынули воспоминания о том, что я пережила вчера вечером. Он не вернулся – пообещал, но не сдержал своего слова. В холодном свете дня я ясно осознала, что не могу и дальше изводить себя из-за чего-то, что, по всей вероятности, было порождено моим же собственным воображением. То, что я видела, просто не могло быть реальностью. Фигура в соборе Святого Павла, лицо в зеркале – я должна исходить из того, что все это вздор, ибо этому нет рационального объяснения. Мне захотелось перевернуться на другой бок и спрятаться под пуховым одеялом, но не могу же я остаться в постели навсегда. Я глубоко вздохнула и села. Пора возвращаться в реальный мир.

Все экзамены были позади, сегодня пятница, и на завтра у меня намечено свидание с одним из самых популярных парней в школе. Так что на самом деле мне не на что жаловаться.

Я вспомнила лицо Роба с его темно-кариыми глазами и многозначительной улыбкой. Он красив, признала я, безучастно улыбнувшись, и невероятно атлетичен. Надо просто решить, что мне делать и с ним, и с его ожиданиями.

Это был непростой вопрос, и мне сейчас нужно думать о том, как его утрясти, а не о том, как вызвать у себя странную галлюцинацию.

День в школе прошел скучно, и все были рады, когда прозвенел заключительный звонок и мы смогли рассестся по автобусам. Сегодняшний вечер наша компания планировала опять провести в Ричмонде, в одном из пабов на берегу реки. Грейс уговорила отца подвезти ее, и по дороге они остановились, чтобы подобрать меня. Во время поездки она, как всегда, окинула меня критическим взглядом, поправив мою одежду и добавив пару аксессуаров из глубин своей объемистой сумки. Мне удалось убедить подругу в том, что у меня замызганный вид, потому что красивую одежду я берегу для свидания с Робом завтра, и это ее, похоже, удовлетворило.

Сегодня вечером с нами не оказалось ни Роба, ни Джека, поскольку на этот день был намечен какой-то матч в крикет. И Грейс, и я считали крикет самой скучной игрой на свете, и нас ничем нельзя было заманить на нее. Так что наша компания будет состоять из одних только девчонок, а мы, девушки, всегда в таких случаях ведем себя куда более шумно, чем в присутствии парней.

Мы с Грейс прибыли в паб первыми и заняли столик на балконе, откуда могли наблюдать за тем, как солнце заходит за реку, и смотреть на то, что происходит внизу, на террасе. Этот длинный участок берега Темзы до самого Ричмондского моста с обоих концов был застроен пабами и ресторанами, а в его середине тянулись зеленые луга и стояло множество скамеек. Обычно в летние месяцы в пятницу здесь бывало людно, и, судя по всему, нынешний вечер не станет исключением. Тут полно школьников и студентов, большая часть которых явно уже закончила сдавать годовые экзамены, так что вокруг было весело и шумно. Я почти уверена, что до конца вечера какого-нибудь бедолагу непременно бросят в реку.

Грейс была очень оживлена, ее темные глаза сверкали от возбуждения, и она явно по-прежнему сходилась с ума от Джека.

– Ну, давай выкладывай, – начала окучивать ее я, затеяв разговор первой, чтобы не дать ей возможности задать мне свои вопросы. – Каковы последние новости о вас с Джеком? Ведь прошло уже четыре дня.

– Ну, – сказала она с таким видом, будто ее буквально распирает энтузиазм, – он отправляет мне сообщения каждый день.

– Что-что, только раз в день?

– Да нет же. Скорее раз в час или раз в каждые десять минут. – Она вся светилась от счастья. – Наверное, это хороший знак.

– Думаю, ты права, – согласилась я, чувствуя за нее огромную радость. – Я знаю Джека уже много лет, и он никогда не питал особой любви к написанию текстовых сообщений. Должно быть, он и правда на тебя запал. – Она опять расплылась в счастливой улыбке, и я сжала ее руку. – Ты и Джек – вы такая замечательная пара.

– Надеюсь, что так оно и есть. Я долго ждала, когда он обратит на меня внимание. Надо только вести себя так, чтобы не отпугнуть его своим неумеренным энтузиазмом. Собственно говоря, – добавила она, – в этом мне следует брать уроки у тебя. Я еще никогда не видела, чтобы кто-нибудь в твоём положении вел себя так невозмутимо.

– Не понимаю, к чему ты клонишь, – пробормотала я. Но она не унималась.

– Ха! С той самой минуты, как Роб раскрыл свои карты в ресторане, ты ведешь себя так, словно можешь как согласиться стать его девушкой, так и сделать ему ручкой, и тебя это особо не колышет. Вероятно, это сводит его с ума. Сомневаюсь, что какая-нибудь девушка вела себя с ним подобным образом прежде.

– Ах, вот оно что. – Я не знала, что ей на это сказать. – Ну... какой смысл в том, чтобы сразу говорить «да», разве не так?

– С твоей стороны это очень ловкий ход. Я еще никогда не видела, чтобы он так завелся из-за девушки.

Я несколько секунд молча протираю бокал от конденсата, обдумывая наилучший вариант ответа.

– Дело в том, что я совсем не уверена, что он вообще мне нужен. – Я не решилась сказать это громко или поднять голову, чтобы посмотреть в лицо подруге – я знала, что она мне не поверит.

– Что! – вскричала Грейс. – Но ведь ты сохла по Робу целую вечность! Что заставило тебя вдруг взять и передумать?

– Я правда не знаю. Просто я не уверена, что мне хочется встречаться с таким парнем, как он.

– Ты шутишь. Половина девушек, которые учатся с нами вместе, издавна жаждет прибрать Роба к рукам. Ты не можешь его отвергнуть.

– Ну почему же не могу? Могу, если решу, что он мне не подходит. – Я поставила бокал на стол так резко, что часть напитка выплеснулась. Грейс выпрямилась, потрясенно уставившись на меня.

– Прости. Конечно же, ты можешь поступать как хочешь. Просто это так неожиданно.

– Прости и ты меня. Я не хотела говорить резко. Я правда растеряна, – прошептала я и виновато положила ладонь на ее руку.

– Но почему? Он что... он что, повел себя как-то не так?

– Пока нет. – Я вдруг поняла, каким образом смогу объяснить странное поведение, не слишком отклоняясь от правды. – Но я знаю, чего он от меня хочет, и я не уверена, что он примет отказ.

Грейс кивнула.

– Раз ты не готова, значит, не готова, и он не должен тебя заставлять.

– Но я совсем не уверена, что он легко воспримет отказ. А растерянность я испытываю потому, что... ну если бы мы с ним какое-то время встречались... как знать, возможно, я отнеслась бы к этому... по-другому. – Мне было непривычно утаивать правду от Грейс, и я чувствовала себя виноватой, но правда была

слишком уж странной. Нелегко было бы объяснить, что ты предпочитаешь плод своего воображения, который видишь в зеркале, одному из самых крутых парней, учащих на той же ступени шестого класса, что и ты. Но вообще-то я так или иначе действительно до сих пор еще точно не знала, что именно испытываю к Робу.

Я обрадовалась, когда к нам присоединились остальные девчонки, поскольку знала, что при других Грейс не станет продолжать этот спор. Все переключились на беседу о насущных вещах, и хотя мои подруги и подначивали меня по поводу предстоящего свидания с Робом, я с легкостью переводила разговор на другие темы. Многие из них собирались ходить на все послеэкзаменационные вечеринки, и, естественно, речь в основном шла о том, на кого из парней они положили глаз. Мы все, конечно, понимали, что планировать что-то в таких делах – занятие бесполезное, потому что у парней на сей счет есть свои идеи, которые лишь изредка совпадают с тем, чего хочется нам, но мы просто-напросто любили об этом поговорить. Вечер пролетел быстро, и я удивилась, когда телефон запиликал: пришло сообщение от мамы, которая предупредила, что уже едет, чтобы забрать меня домой.

Вернувшись домой, я не смогла удержаться от искушения взглянуть в зеркало, но, как и ожидала, в нем я увидела только собственное бледное лицо. Под глазами у меня были темные круги. Оставалось надеяться, что этой ночью я смогу заснуть сразу и высплусь.

Мне повезло: сон сморил меня сразу, так что первое, что я узрела, проснувшись, была мама, ставящая на письменный стол кружку с кофе.

– Доброе утро, соня. Сейчас уже десять, и я думаю, ты не захочешь весь день проваляться в постели.

– О-о-о, спасибо, мамуля, – со вздохом проговорила я, сладко потягиваясь. – У нас есть на сегодня какие-то планы, или...

– Я рада, что ты спросила, – сказала она с лукавым блеском в глазах. – В саду полно сорняков, вот я и думала, что вдвоем мы смогли бы задать им хорошую взбучку.

Я повалилась обратно на подушку, признавая свое поражение. Когда мама в таком настроении, лучше всего смириться с судьбой.

Но оказалось, что работа в саду – это отличная психотерапия. Мне приходилось настолько концентрировать внимание, чтобы выдирать из земли именно сорняки, а не садовые растения, что мое сознание просто не могло отвлекаться, чтобы воспарить слишком высоко в эмпиреи. Я не сняла браслет и время от времени поглядывала на него, но поверхность камня оставалась неподвижной.

Когда мы закончили работу над особенно заросшей сорняками грядкой, мама вынесла в сад прохладительные напитки, и мы уселись в тени сарая, любуясь плодами наших трудов.

– Красивый браслет, – сказала она. – Это его ты нашла в реке?

Я кивнула, вытянув вперед руку, чтобы ей было легче его разглядеть.

– Ты замечательно все очистила, – одобрительно заметила она. – Но на твоём месте я бы обращалась с ним осторожно. Опалы считаются несчастливими камнями, но это просто потому, что легко бьются. А твой опал такой большой, что разбить его было бы настоящей трагедией. – Она поворачивала мою руку и так и этак, любуясь камнем, но внезапно громко втянула в себя воздух и сжала мою ладонь куда крепче, чем прежде.

– Мамочка, что случилось? – спросила я, едва смея надеяться. Неужели она что-то увидела? Она пристально вглядывалась в голубой самоцвет.

– Очень странно, – задумчиво сказала она. – Должно быть, это какая-то игра света.

– А что? Что-то не так?

– Нет, ничего. – Она покачала головой. – Опалы – такие странные камни. В них, знаешь ли, есть скрытые глубины. – Она сделала паузу. – На твоём месте я не стала бы носить его постоянно. Надевай украшение только по особым случаям. А теперь как насчет того, чтобы помочь мне выкопать тот молодой картофель?

Я помогала ей, работая так быстро, как только могла, и при каждом удобном случае заходя в сарай, но там не оказывалось ничего, в чем можно было бы увидеть отражение. Даже его окна были покрыты слишком толстым слоем копоти и пыли. Наконец, я вырвалась из сада и убежала в спальню, надеясь, что раз уж мама увидела что-то в камне, он будет здесь. Но меня снова постигло разочарование – я осталась в зеркале одна.

Я вбежала в душ, чтобы смыть с себя садовую грязь. Потом посмотрела на лежащий на полочке браслет, и на секунду мне в голову закралась мысль: а не положить ли его в шкатулку с украшениями? Но в конце концов я все-таки не смогла не надеть его на свое запястье, на котором на фоне загара теперь красовалась белая полоска, поскольку я немного загорела, работая в саду.

Я понятия не имела, что мне надеть на свидание с Робом. Я не хотела создать у него ложное впечатление, придав себе слишком доступный вид, но мне также не хотелось и выглядеть скучной. После того как я промучилась час, в отчаянии вглядываясь в дальние углы гардероба, я сделала то, с чего мне следовало начать, – позвонила Грейс. Она знала мою одежду как свои пять пальцев и быстро предложила мне несколько вариантов. Некоторые из них нам пришлось отвергнуть, поскольку упомянутая ею одежда лежала грязными кучками, которые я не донесла до корзины для стирки, другие сочетания вещей я отмела с порога. Она даже предложила привезти мне на велосипеде свое новое платье, которое купила в интернет-магазине «Топшоп», но я решила, что так я зашла бы слишком далеко. В конце концов мы остановились на наряде, состоящем из вещей, которые я сама никогда не додумалась бы надеть вместе.

Было очевидно, что она дала мне дельный совет, потому что, когда я сошла по лестнице на первый этаж, даже папа восхищенно присвистнул.

– Ты выглядишь потрясающе, дорогая. Надеюсь, твой кавалер не позволит себе лишнего.

– Я тоже на это надеюсь, папа. Будь спокоен, в случае чего я сумею за себя постоять. – В это время телефон звякнул. – Роб уже здесь, папа. Пока. – Он крепко обнял меня, поцеловал в макушку, и я направилась к двери.

– В следующий раз пусть зайдет и представится, – с нажимом сказал он.

– Да, само собой. – Я пожала плечами и бочком проскользнула наружу. Мне совсем не хотелось уродовать этот вечер такими сложностями.

Роб сидел в машине с включенным мотором, ему явно хотелось избежать разговора с кем-либо из моих родителей. Я села в машину, и мы тут же тронулись с места.

– Классная тачка.

Он усмехнулся.

– Не очень-то и классная, но мать позволяет кататься на ней, когда мне захочется, так что я не жалею. А теперь нам надо сделать вот что... – Он остановил машину на стояночной площадке, находящейся за ближайшим к моему дому поворотом, и вырубил мотор. – Думаю, пора поздороваться как следует. – Он притянул меня к себе и поцеловал. Я не сопротивлялась, но невольно подумала, что этот его маневр явно был обдуман заранее.

Я ответила на поцелуй, стараясь выказать достаточный уровень энтузиазма, но при этом не переборщить, однако он сразу же воспринял это как приглашение зайти дальше. Когда его рука скользнула по моему телу, я оттолкнула ее.

– Я полагала, мы едем на ужин, – сказала я беззаботным тоном. – Так куда же мы направляемся? – К счастью, он немедленно откинулся на спинку сиденья.

– В один по-настоящему классный бар в Чертси. Там раньше была старинная городская ратуша. В середине недели выступают кое-какие суперски крутые группы. Ты о нем, наверное, не слышала. – Мне показалось, что я чувствую в его тоне снисходительность.

Я отвернулась, чтобы он не увидел моей улыбки. Бар, о котором он говорил, был одним из любимых заведений моих родителей, и я ездила туда с ними, сколько себя помнила. По крайней мере, это и впрямь было замечательное местечко, и там шикарно кормили, так что я хотя бы получу удовольствие от еды. Но сообщать ему, что меня в этом баре хорошо знают, пожалуй, нет никакого смысла.

Он находился в приподнятом настроении и всю дорогу потчевал меня деталями вчерашней победы наших в матче по крикету. Я время от времени одобрительно хмыкала и говорила соответствующие слова, но он все не унимался, и в конце концов его речь начала меня немного раздражать. Я постаралась взять себя в руки. Надо просто перестать критически оценивать все, что он делает, и начать получать удовольствие.

Старинная ратуша выглядела внушительно. По всей фасадной части первого этажа шла колоннада, в ее центре находились огромные распашные двери. Они выходили прямо на широкую пологую лестницу, которая раздваивалась на два изогнутых пролета, ведущих к великолепному балкону. Из главных дверей ресторана слышался негромкий гул голосов и смеха и в качестве фона – ненавязчивая джазовая музыка. В воздухе витали запахи чеснока и цветов, и было видно, что по залу расставлены огромные вазы, полные лилий.

– Ну как тебе тут? – спросил Роб.

– Красиво. Мне нравится здешнее убранство. – Зал был огромен, с двадцатифутовым потолком и дюжиной распашных окон, идущих от потолка до пола. Вечер выдался теплым, так что все окна были открыты, и длинные светлые занавески мягко раздувались при каждом порыве ветерка.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

В Великобритании шестым классом называются последние два года учебы в средней школе (17 и 18 лет).

Купити: https://telnovel.me/rensom_s/malen-kaya-golubaya-veschica

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)